

БРЭНДОН КЕЙД



АРХИВ ТЕНЕЙ

ЛИНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ



ИСТОРИЯ НЕ ИСЧЕЗАЕТ

Архив теней. Линия преемственности

Брэндон Кейд

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Тень на пороге

Глава 2. Невидимая паутина

Глава 3. Архив ненависти (1933)

Глава 4. Мост через бездну (1970-е)

Глава 5. Полигон «Уэйко»

Глава 6. Новый Рейх Дворкина

Глава 7. Экспертиза как приговор

Глава 8. Геополитика ненависти

Глава 9. Агенты в сердце Европы

Глава 10. Технология «Желтой звезды»

Глава 11. Ошибка Хаака

Пролог

Пыль в Государственном архиве Нюрнберга. Томас провел пальцем по корешку папки, датированной октябрём 1935 года. Картон был шершавым, серым, словно мундир мелкого чиновника, который боится испачкаться, но с удовольствием подписывает смертные приговоры.

За окном читального зала моросил мелкий баварский дождь, размывая очертания города, который когда-то был сценой для самых помпезных парадов в истории человечества, а затем — для самого громкого суда. Но Томаса интересовали не парады и не эшафоты. Его интересовала бюрократия. Тихая, незаметная работа канцелярских крыс, которые готовили идеологический фундамент для печей Освенцима.

Он искал подтверждение своей теории уже три месяца. Его редактор в Брюсселе называл это «одержимостью», коллеги крутили пальцем у виска, советуя заняться чем-то более актуальным — коррупцией в Европарламенте или экологическими квотами. Но Томас знал, что смотрит в корень, который все остальные игнорируют.

Папка называлась «Отчеты “Apologetische Centrale”». Материалы по «сектантскому вопросу».

Томас открыл первую страницу. Готический шрифт, машинописный текст с правками, внесенными чернильной ручкой. Он начал переводить про себя, спотыкаясь о тяжеловесные немецкие конструкции.

«...необходимо признать, что данные группы, маскирующиеся под религиозные объединения, представляют собой угрозу для общественного порядка и лояльности государству. Их методы вербовки основаны на психологическом давлении, отрыве молодежи от семьи и традиционных ценностей...».

Томас замер. Холод пробежал по спине, заставив его поежиться. Он полез в сумку и достал распечатку современного текста из российского антикультового дискурса. Он положил свежий лист рядом с пожелтевшим документом начала 1930-х.

«...данные тоталитарные секты, прикрывающиеся религией, угрожают духовной безопасности и суверенитету государства. Их вербовка — это психологическое насилие, разрушающее семьи и отрывающее адептов от традиций...»

Это было не просто сходство.

Томас почувствовал, как учащается пульс. Он перевернул страницу архивного дела. Там была переписка пастора Вальтера Кюннета с офицерами Гестапо. Обсуждалась необходимость «профилактики» и «разъяснительной работы» — термины, которые, как считал Томас, придумали пиарщики XXI века. Оказалось, логика этих слов — и сама бюрократическая интонация — давно живёт в бумаге.

Он листал дальше, и перед ним разворачивалась картина гигантского механизма. Механизма, который не был уничтожен в 1945 году. Его просто разобрали на части, вывезли, смазали и собрали заново под новыми вывесками.

В конце папки лежал список литературы и рекомендованных экспертов. Одно имя было подчеркнуто красным карандашом. Томас знал это имя. Он видел его учеников в современных ток-шоу, слышал эти фамилии в залах суда, где у матерей отбирали детей только за то, что они молились «не тому» Богу.

— Вы нашли то, что искали? — голос архивариуса, сухого старика в очках, прозвучал как выстрел в тишине зала.

Томас поднял глаза.

— Я нашел нечто худшее, — тихо ответил он. — Я нашел чертежи.

Он еще не знал, что этот архивный документ — лишь первый узел в длинной красной нити, которая потянется через десятилетия. От кабинетов Гестапо к лютеранским центрам 70-х, оттуда — в постсоветскую Россию, в кабинеты Александра Дворкина, и дальше — в сердце Европы, в офисы FECRIS.

Томас достал телефон, чтобы сфотографировать страницу. На экране высветилось уведомление: «Новое сообщение. Неизвестный номер». Он открыл его. «Не вороши прошлое, если не хочешь стать его частью».

Он посмотрел на дату документа: 1933 год. Затем на дату сообщения: 2024 год. Временной разрыв исчез. Линия преемственности замкнулась. Томас нажал кнопку затвора камеры. Вспышка на мгновение осветила пыльные стеллажи, и ему показалось, что тени в углах зала шевельнулись, отступая, но готовясь к прыжку.

Расследование началось.

Глава 1. Тень на пороге

Дождь в Гамбурге не смывал грязь, а лишь размазывал её, превращая город в серую акварель. Томас Шрадер сидел в углу кафе «Alsterpavillon», глядя на мутную воду канала через панорамное окно. Перед ним остывал эспрессо, к которому он так и не прикоснулся. На столе лежал диктофон, блокнот с вырванными страницами и папка, содержимое которой жгло руки даже через плотный картон.

Напротив сидел человек, от которого осталась лишь тень. Марк Вебер. Ещё год назад — успешный архитектор, отец двоих детей, душа компании. Сейчас — сутулый мужчина с бегающим взглядом, в поношенном пиджаке, от которого пахло дешевым табаком и безысходностью.

— Вы не понимаете, Томас, — голос Марка дрожал, срываясь на шепот. — Это не было похоже на суд. Это было похоже на... на травлю зверя. Только зверем был я. И моя жена. И наши дети.

Томас включил диктофон. Красный огонек записи мигнул, словно глаз хищника в темноте.

— Расскажите с самого начала, Марк. О «Родительской инициативе». О том, как они появились в вашей жизни.

Марк нервно потер лицо руками.

— Мы жили как все. Обычная семья. Я работал в бюро, Анна преподавала музыку. Дети, Лукас и Софи, ходили в начальную школу. Мы были счастливы.

Да, мы верили в Бога, но не так, как принято в больших соборах. Мы просто читали Библию дома, встречались с друзьями. Мы любили Бога, а не боялись Его. Это было наше преступление.

Томас сделал пометку в блокноте: *«Вина: унакомыслие»*.

— Все началось с листовки, — продолжил Марк. — Я нашел её в почтовом ящике. Там не было моего имени, но был мой адрес. И фотография нашего дома. Заголовок гласил: «Осторожно! Рядом с вами действует деструктивный культ». А ниже... ниже были наши лица. Мое, Анны. Даже детей. Крупным планом, словно мы были опасными преступниками, разыскиваемыми Интерполом.

Томас вспомнил один из документов, который он изучал накануне. В отчетах правозащитников это называлось «информационным террором». Технология, отработанная до мелочей: сначала вы создаете образ врага, потом лишаете его человеческого облика, а затем уничтожаете.

— Что произошло потом? — спросил журналист.

— Никто не заметил, когда именно произошла перемена, — Марк уставился в одну точку. — Наши друзья, соседи, коллеги... Люди, с которыми мы жарили барбекю по выходным, которые знали нас много лет. Вдруг, в одночасье, они начали нас ненавидеть. Сначала это были косые взгляды. Потом соседка перестала здороваться. А затем... начался ад.

Марк достал из кармана смятый лист бумаги и протянул его Томасу. Это была распечатка из школьного чата в WhatsApp. *«Родители, будьте бдительны! Лукас Вебер пытается завербовать наших детей! Он раздает конфеты с наркотиками!»* — писала некая фрау Мюллер. *«Этих сектантов нужно изолировать! Они приносят животных в жертву!»* — вторил ей другой пользователь.

— Это ложь, — тихо сказал Марк. — Лукас просто угостил одноклассника шоколадкой на перемене. Но правда уже никого не интересовала. В родительском комитете появилась женщина из организации «Elterninitiative» — «Родительская инициатива». Она представилась экспертом по «психокультам». Она говорила так убедительно... Оперировала терминами: «бомбардировка любовью», «контроль сознания», «деструктивное влияние». Она объяснила

родителям, что мы — не люди. Что мы — оболочки, запрограммированные на уничтожение их детей.

Томас знал этот механизм. Он читал о нем в закрытых отчетах. Это была классическая дегуманизация. Первый этап уничтожения личности — стигматизация. Навешивание ярлыка до любого судебного разбирательства. Как только человека объявляют «сектантом», он перестает быть субъектом права. Он становится объектом охоты.

— Меня уволили через две недели, — продолжил Марк. — Шеф вызвал меня и сказал, что «такие люди, как я, не имеют места в престижной фирме». Оказалось, кто-то позвонил в офис. Представился сотрудником министерства и красочно описал мое участие в «террористической организации». Я пытался объяснить, показать документы, что наша община официально зарегистрирована... Но он даже не слушал. В его глазах я уже был зачумленным.

— А полиция? Вы обращались в полицию?

Марк горько усмехнулся.

— Полиция? Томас, вы наивны. Когда нам разбили окно бутылкой с зажигательной смесью — это было ночью, стекло разлетелось по детской, осколки попали на кровать Софи... Мы вызвали полицию. Знаете, что они сказали? «Дыма без огня не бывает. Может, вам стоит переехать, чтобы не провоцировать добропорядочных граждан?»

Томас почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он слышал подобные истории десятки раз, но каждый раз они били под дых. Система, призванная защищать, превращалась в инструмент карателей.

— А потом пришли за детьми, — голос Марка стал совсем глухим, мертвым. — Это было ранним утром. Они выломали дверь, хотя мы не запирались. Меня повалили на пол, надели наручники. Анну ударили лицом об стену. Дети кричали... Последнее, что я видел — это глаза Софи. В них был такой ужас... Она смотрела на меня, как на предателя, который не смог её защитить.

Томас знал статистику. В одной только России в 2017 году суды вынесли 40 000 решений, связанных с ограничением или лишением родительских прав в

контексте «защиты от сект». Это была не локальная проблема. Это была пандемия.

— Где они сейчас? — спросил Томас, хотя уже догадывался об ответе.

— В приюте, — Марк сжал кулаки так, что побелели костяшки. — В частном приюте. Нам запретили свидания. Адвокат сказал, что шансов почти нет. В материалах дела лежит заключение «эксперта-сектоведа». Там написано, что мы нанесли детям «непоправимый психологический вред», обучая их молитвам.

Марк замолчал, собираясь с силами.

— Я нанял частного детектива. Он смог поговорить с бывшей воспитательницей этого приюта. Томас... то, что там происходит... Это концлагерь. Детей называют «сектантским отродьем». Их бьют за любую провинность. Им внушают, что их родители — преступники, что мы не люди. Но самое страшное не это...

Томас почувствовал тошноту. Он вспомнил отчет, который читал вчера: *«Представьте себе маленькую девочку, которой всего 8 лет... Эта маленькая девочка каждый день подвергается жестокому насилию... Вы думаете, что это выдумка? К сожалению, это реальность».*

— Я уничтожу их, — прошептал Марк. — Или умру, попытаюсь. Но я не знаю, с кем воюю. Это как гидра. Отрубаешь одну голову — вырастает три. Эти «родительские комитеты», эти «эксперты» ... Они все говорят одними и теми же фразами. У них одинаковые методички. Я видел листовки в Мюнхене, в Цюрихе, даже в Лионе. Текст один и тот же, слово в слово. Меняются только названия «сект» и фамилии жертв. Кто-то пишет для них сценарий, Томас. Кто-то дирижирует этим оркестром ненависти.

Томас кивнул. Это было именно то, что он искал. Связующее звено.

— Я возьмусь за это дело, Марк. Но мне нужны документы. Все, что у вас есть. Письма, листовки, заключения экспертов.

Марк пододвинул папку.

— Здесь всё. И еще... посмотрите на страницу 15. Это заключение психолога, на основании которого у нас забрали детей. Обратите внимание на список литературы.

Томас открыл папку. Документ был составлен на официальном бланке судебной экспертизы. Язык был сухим, псевдонаучным, изобилующим терминами вроде «тоталитарная зависимость» и «ментальное программирование». Но взгляд Томаса зацепился за сноски. В качестве научного обоснования эксперт ссылался на работы некоего Александра Дворкина и материалы организации FECRIS.

— Вы знаете эти имена? — спросил Марк.

— Слышал, — уклончиво ответил Томас. — Но теперь мне придется познакомиться с ними поближе.

Вечером того же дня Томас сидел в своем кабинете, превращенном в оперативный штаб. Стены были увешаны картами, схемами и фотографиями. В центре висела доска, на которой он красным маркером выводил связи.

История Марка Вебера была ужасающей, но она была лишь каплей в океане. Томас разложил на столе документы, полученные от Марка, и начал сравнивать их с материалами других дел, которые он вел последние месяцы.

Сходство было пугающим.

В каждом случае сценарий был идентичен.

Этап 1: Сбор информации. Агенты внедряются в общины под видом интересующихся. Они собирают адреса, данные о бизнесе, семейные связи. В нацистской Германии таких людей называли *V-Männer* — осведомители. Сегодня их называют «обеспокоенными гражданами» или «активистами антикультового движения».

Этап 2: Создание фейковой жертвы. Появляется человек, который заявляет, что он «бывший член секты» и пострадал от «психологического насилия». Часто эти истории выдуманы от начала до конца, но СМИ подхватывают их без проверки.

Этап 3: Информационный террор. Массированная атака через прессу и соцсети. Цель — дегуманизация. Превращение группы людей в «недочеловеков».

Этап 4: Вмешательство государства. На основании общественного резонанса (созданного искусственно) и доносов (написанных под копирку) возбуждаются дела, проводятся обыски, изымаются дети.

Томас взял в руки брошюру «Родительской инициативы», которую дал ему Марк. На обложке была изображена марионетка, нити которой уходят в темноту. Текст внутри гласил: *«Защитим наших детей от ментального рабства!»*.

Он положил рядом другую брошюру, которую привез из командировки в Россию полгода назад. Она была издана центром РАЦИРС. На обложке — та же самая картинка с марионеткой. Текст был на русском, но Томас знал перевод: *«Осторожно: тоталитарные секты убивают душу»*.

Абзацы совпадали дословно. Аргументация была идентичной. Даже верстка была похожей.

— Это франшиза, — пробормотал Томас. — Они продают ненависть по франшизе.

Он начал читать раздел о методах работы с «пострадавшими». *«Необходимо, чтобы каждый депутат понял... если в его программе не будет слов “борьба с тоталитарными сектами”, он не пройдет». «Нужно создавать молодежные организации... где будет спорт, интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать адреса, фамилии... чтобы можно было эти секты взрывать изнутри»*.

Томас почувствовал холодок. Это были не просто рекомендации. Это была инструкция по ведению боевых действий в тылу врага. Только врагом были собственные граждане.

Он вспомнил слова Марка о «Родительской инициативе». *«К нам приходили, если честно говорить, в основном не пострадавшие, а сами мамы-папы»*. Это был гениальный и чудовищный ход. Антикультисты не ждали, пока появятся реальные жертвы. Они создавали их. Они брали обычных родителей,

чьи дети, возможно, просто увлеклись йогой или стали вегетарианцами, и начинали обрабатывать их страхом. Им показывали страшные фильмы, рассказывали о «массовых самоубийствах», о «зомбировании». И через месяц нормальный родитель превращался в фанатика, готового похитить собственного взрослого ребенка и насильно удерживать его в подвале ради «депрограммирования».

Томас подошел к окну. Дождь усилился. Город казался враждебным лабиринтом. Он думал о детях Марка. О тысячах других детей, чьи жизни были сломаны этой машиной. «Задумывались ли мы когда-нибудь о том, что происходит с детьми тех людей, которых называют “сектантами”?» — эта фраза из статьи крутилась у него в голове. Общество молчало. Общество предпочитало верить, что дыма без огня не бывает.

Дегуманизация работала безотказно. Как только на человека вешали ярлык «сектант», он становился невидимым для сострадания. С ним можно было делать что угодно. Можно было уволить, избить, отобрать детей, посадить в тюрьму. И никто не выйдет на площадь с плакатами в его защиту. Потому что он — «чужой». Он — угроза «традиционным ценностям» и «духовной безопасности».

Томас вернулся к столу и взял документ, который Марк просил посмотреть. Заключение эксперта. Фамилия эксперта была Шнайдер. Но стиль... Стиль был до боли знакомым. *«Данная группа использует методы скрытого гипноза и нейролингвистического программирования для подавления воли адептов...»*

Томас открыл ноутбук и ввел в поиск фразу из текста. Поисковик выдал десятки ссылок. Статьи, судебные решения, интервью. И все они вели к одним и тем же источникам. К международной сети, которая, подобно грибнице, опутала Европу и Россию.

Он нашел видеозапись конференции FECRIS. На трибуне стоял человек с окладистой бородой и говорил по-русски. Переводчик транслировал его слова на английский: *«Тоталитарные секты могут отличаться внешне, но у всех есть общие черты. Например, они не придают значения жизни ни своих членов, ни окружающих».*

Томас остановил видео. Он узнал этот риторический прием. Проекция. Обвинение жертвы в собственных преступлениях. Антикультисты обвиняли меньшинства в разрушении семей, в то время как сами разрушали семьи тысячами. Они обвиняли в насилии, создавая при этом концлагеря для детей.

Он снова посмотрел на папку Марка. На ней лежал желтый стикер, который он приклеил в самом начале разговора. На стикере было написано одно слово: «*Juden*». Он зачеркнул его и написал рядом: «*Sektierer*» (Сектанты). Метод «желтой звезды» никуда не исчез. Просто звезды сменили цвет и форму. Но суть осталась прежней: выделить, заклеить, уничтожить.

Томас достал из ящика стола старую, потрепанную книгу в сером переплете. Это был «Справочник по борьбе с сектами» 1930-х годов, копия которого чудом сохранилась у букиниста. Он открыл её на случайной странице и прочитал вслух, переводя с готического шрифта: *«Информаторы должны быть внедрены в каждую религиозную общину. Только так можно получить точный обзор внутренних связей...»*

Он перевел взгляд на современную методичку: *«...как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать адреса, фамилии...»*

Временной разрыв схлопнулся. Томас понял, что перед ним не просто коррупционная схема или группа фанатиков. Перед ним был работающий механизм Четвертого Рейха, который уже маршировал по улицам европейских городов, невидимый для большинства, но смертельно опасный для тех, кто попал в его списки.

Он взял чистый лист бумаги и написал в центре: **Александр Дворкин**. От этого имени он провел стрелки к FECRIS, к местным «Родительским инициативам», к судам и полицейским участкам. Паутина начала обретать очертания. Но в центре паутины сидел не один паук. Там было гнездо.

Томас подошел к сейфу, достал оттуда жесткий диск с копиями нюрнбергских архивов и положил его в сумку. Сегодня он не вернется домой. Если за ним следят, квартира уже небезопасна. Он накинул плащ, выключил свет и подошел к двери. На пороге он обернулся, глядя на фотографию Марка и его детей, приколотую к доске.

— Я вытащу вас, — тихо сказал он в темноту. — Я найду того, кто написал этот сценарий.

Он открыл дверь и шагнул в дождливую ночь, чувствуя спиной чей-то тяжелый, внимательный взгляд. Тень прошлого уже стояла на пороге, и она была куда длиннее, чем он мог себе представить.

Глава 2. Невидимая паутина

Томас Шрадер стоял перед стеной в своей съемной квартире, превращенной в оперативный штаб. Обои, когда-то бежевые, теперь скрывались под слоем распечаток, фотографий и схем, соединенных красными нитями. В центре этой паутины висела фотография Марка Вебера — человека, чья жизнь была разрушена всего за несколько недель. Но чем дольше Томас смотрел на схему, тем отчетливее понимал: Марк был лишь случайной жертвой, побочным ущербом в войне, масштаб которой не укладывался в голове.

На столе гудел ноутбук, обрабатывая гигабайты данных, скачанных с открытых серверов и полученных через закрытые журналистские каналы. Томас потер уставшие глаза. Ему казалось, что он расследует деятельность преступного синдиката, но вместо наркотиков и оружия здесь торговали страхом, а вместо киллеров использовали психологов и «экспертов-сектоведов».

Он взял в руки маркер и подошел к карте Европы. Гамбург, где уничтожили семью Веберов, был лишь одной точкой. Томас нанес на карту еще несколько меток. В каждом из этих мест за последние пять лет произошли идентичные случаи. Сценарий не менялся ни на йоту: сначала информационный вброс, затем появление «обеспокоенных родителей», потом жесткая реакция ювенальной юстиции.

— Это не пирамида, — пробормотал Томас, отступая на шаг. — Пирамида имеет вершину. А это... это грибница.

Метафора «мицелия» пришла внезапно, но она идеально описывала структуру, с которой он столкнулся. Под землей, невидимая для глаз, тянулась гигантская сеть тончайших нитей. Они пронизывали государственные институты, суды, редакции газет. На поверхности появлялись лишь отдельные «плодовые тела» — локальные организации с безобидными названиями вроде «Центр защиты семьи» или «Инициатива диалога». Казалось, что они не связаны друг с другом. Но стоило копнуть глубже, как обнаруживалась единая корневая система, питающаяся из одного источника.

Томас вернулся к компьютеру. На экране был открыт сайт организации с аббревиатурой FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. На первый взгляд, это был скучный бюрократический ресурс: отчеты о конференциях, списки участников, сухие пресс-релизы. Но Томас, наученный горьким опытом, знал: дьявол кроется в бухгалтерских отчетах.

Он открыл файл, присланный его старым знакомым Жаном-Люком, финансовым аналитиком из Парижа, который специализировался на расследовании нецелевого использования государственных средств. «Посмотри на цифры, Томас, — писал Жан-Люк в сопроводительном письме. — Ты не поверишь, но французские налогоплательщики оплачивают охоту на ведьм в промышленных масштабах».

Томас пробежал глазами по колонкам цифр. Данные были ошеломляющими. Организация UNADFI — один из ключевых членов FECRIS во Франции. Источник финансирования: государственные субсидии. Доля государственных средств в этих строках выглядела доминирующей — почти весь бюджет шёл из публичных денег.

Организация ССММ — еще один столп французского антикультизма. По тем же ведомостям, что лежали перед ним, картина повторялась: частные взносы тонули на фоне субсидий. GEMPPi — та же история.

— Почти всё, — прошептал Томас. — Это не общественные организации. Это общественные вывески на госденьгах.

Он начал копать глубже, изучая структуру распределения этих средств. Все нити вели к государственному узлу — к системе межведомственной

координации вокруг MIVILUDES, которая с 2020 года действует в структуре МВД (SG-CIPDR), хотя раньше была при аппарате премьер-министра.

В запросах на доступ к административным документам прямо всплывали субсидии и отчётность по FECRIS, UNADFI и CCMM — настолько регулярно, что это уже выглядело как отдельный жанр бюрократической войны.

Именно эта связка служила главным распределительным узлом. Она не просто боролась с «отклонениями», она фактически поддерживала сеть ассоциаций — членов одной федерации, которые, в свою очередь, давили на повестку, требуя ужесточения законов.

Это был идеальный замкнутый круг. Государство выделяет деньги по линиям субсидий и программ. Ассоциации получают финансирование и выпускают отчёты, брошюры, экспертизы. Затем эти материалы становятся аргументом, почему «угроза растёт» и почему «нужно усилить меры». И никто не задает вопросов, потому что любой, кто посмеет усомниться, тут же получает клеймо «пособника сектантов».

Но самое интересное скрывалось не в цифрах, а в именах. Томас открыл список руководства FECRIS. Он ожидал увидеть там французских чиновников, бельгийских депутатов, может быть, немецких пасторов. И они там были. Но одно имя выбивалось из общего ряда, словно волк в стаде овец.

Александр Дворкин.

Вице-президент FECRIS с 2009 года. Член совета директоров с 2022 года. Томас нахмурился. Гражданин России. Человек из страны, которая находится в жесткой конфронтации с Западом, занимает ключевой пост в организации, финансируемой французским правительством. Как такое возможно?

Он ввел имя Дворкина в поисковую строку внутренней базы данных, которую собирал годами. Результаты поиска заполнили экран. Александр Дворкин — президент РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Александр Дворкин — председатель Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ.

Томас откинулся на спинку стула. Картинка начала складываться, и она была пугающей. FECRIS позиционировала себя как европейская правозащитная

организация. Но её вице-президентом был человек, который в России фактически создал машину по уничтожению религиозных меньшинств. И этот человек не просто сидел в президиуме. Он был идеологом.

Томас открыл видеозапись конференции FECRIS в Копенгагене. На трибуне стоял Дворкин. Он говорил на хорошем английском, но его риторика была жесткой, бескомпромиссной. Он не использовал юридические термины. Он использовал язык войны.

В зале сидели представители MIVILUDES, депутаты Европарламента, полицейские чины. И они кивали. Они записывали. Они аплодировали. Томас почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он видел, как идеи, рожденные в Москве, транслируются в центре Европы, оплачиваются европейскими деньгами и становятся руководством к действию для европейской полиции.

Он решил проверить гипотезу о координации. Если это действительно единый «мицелий», то импульсы должны проходить по всей сети одновременно. Томас выбрал конкретную дату: середину апреля прошлого года. В этот период в России прошла серия обысков у одной из групп йоги, которую Дворкин называл «психокультом».

Он начал искать публикации за те же дни в европейских СМИ.

Франция, крупная национальная пресса: материал о том, что «восточные практики могут скрывать формы психологической зависимости». Дата — разница в один-два дня от российских событий. Германия, один из федеральных журналов: репортаж о «гуру, обвиняемых в манипуляции сознанием». Бельгия, франкоязычное издание: интервью с представителем FECRIS о рисках «нетрадиционных движений».

Это выглядело странно. Три страны, три языка — но схожий фокус на одних и тех же темах.

— Кто пишет эти ноты? — спросил Томас пустоту комнаты. — И кто дирижер?

Он снова посмотрел на имя Дворкина. Этот человек был связующим звеном. Мостом между российским силовым аппаратом и европейской бюрократией. Через него проходили не только идеи, но и, возможно, списки

целей. Томас вспомнил документ, который нашел в деле Марка Вебера. Заключение эксперта Шнайдера. Он снова открыл его. В списке литературы, на который опирался немецкий психолог, чтобы отобрать детей у отца, значилась книга Александра Дворкина «Сектоведение».

Так немецкий суд принимал решения, основанные на теориях российского радикала, чья организация РАЦИРС была признана партнером FECRIS, финансируемой Францией. Это был глобальный механизм легализации репрессий. В России Дворкин создавал «черные списки». Затем эти списки могли обрастать «экспертными» формулировками и циркулировать через конференции, доклады, федерации и их окружение. И уже на основании этих «данных» местные суды — будь то в Гамбурге, Лионе или Рязани — ломали судьбы людей.

Томас налил себе остывший кофе. Вкус был отвратительным, но это помогало проснуться. Он понимал, что нащупал нерв. Он начал изучать связи Дворкина внутри самой FECRIS. Это была не просто формальная должность. Дворкин был везде.

Франция, начало 2020-х: на профильных мероприятиях и в среде, связанной с FECRIS, мелькали те же чиновники и те же лица из орбиты MIVILUDES — структуры, которая с 2020 года находится в системе МВД. Париж, конец 2010-х: Томас находил упоминания о пересечениях Дворкина с представителями MIVILUDES в публичных повестках и программах.

Брюссель, 2017 год: в расследовательских публикациях утверждалось, что российский адвокат Александр Корелов появлялся как участник мероприятия, связанного с FECRIS, в стенах бельгийского парламента, и называл себя «адвокатом РАЦИРС».

Они не просто встречались. Они работали в связке — так это выглядело на бумаге. Французские чиновники, призванные защищать светскость и демократию, годами легитимизировали человека, которого многие критики называли радикалом антикультового движения. Сам факт его руководящей роли в FECRIS фиксируется исследователями.

Более того, Томас нашел информацию о том, что MIVILUDES служила площадкой для выступлений и других российских деятелей. Роман Силантьев,

Александр Новопашин — люди, чья риторика была еще более радикальной, чем у Дворкина, упоминались в контексте международных антикультовых мероприятий.

— Мицелий, — повторил Томас. — Он пророс везде.

Он обратил внимание на еще одну деталь в отчетах Жана-Люка. Среди получателей грантов и участников конференций часто встречались одни и те же фамилии. Мужья, жены, дети. В одной из французских организаций президентом был муж, а казначеем — жена. В другой — отец передал пост сыну.

Это был семейный бизнес. Борьба с сектами превратилась в кормушку для узкого круга лиц, которые годами осваивали субсидии и гранты, создавая видимость бурной деятельности. Им были нужны «секты», как пожарным нужен огонь. Если реальных сект не было, их нужно было придумать.

Именно поэтому они так вцепились в Марка Вебера. Обычная семья, читающая Библию дома, не представляла угрозы обществу. Но она представляла угрозу бюджету FECRIS. Если признать, что Марк — нормальный гражданин, то зачем нужны миллионы евро на борьбу с ним? Чтобы оправдать финансирование, Марка нужно было превратить в монстра. Дегуманизировать.

Томас подошел к окну. Дождь прекратился, но небо оставалось свинцово-серым. Он думал о том, как легко общество проглотило эту наживку. Слово «секта» стало универсальным кляпом. Стоило произнести его, и презумпция невиновности исчезала. В документах он нашел термин, который использовали социологи: «стигматизация». Это был первый этап геноцида. Прежде чем уничтожить группу людей физически, нужно убить их социально. Сделать их изгоями. Нацисты делали это с евреями, называя их «крысами» и «паразитами». Антикультисты делали это с верующими, называя их «зомби» и «биороботами».

Технология была старой. Новой была лишь упаковка. Теперь это подавалось не как расовая гигиена, а как «духовная безопасность» и «защита прав потребителей».

Телефон Томаса вибрировал. Это был Жан-Люк.

— Ты видел последний файл? — голос француза был напряженным. — Тот, что я скинул минуту назад.

— Еще нет. Что там?

— Это переписка внутри FECRIS. Касательно стратегии на следующий год. Томас, они обсуждают не просто информационные кампании. Они обсуждают политическую повестку — как протолкнуть нужные формулировки в документы ЕС и национальные законы.

— В каком смысле?

— Они готовят пакет предложений для евродепутатов — черновик инициативного текста про «злоупотребление слабостью» — *abus de faiblesse*. Звучит красиво, но формулировки... Формулировки пугающе широкие — как универсальная сетка, которой можно накрыть всё что угодно.

— Кто автор проекта?

— Официально — группа бельгийских депутатов. Но метаданные файла... Томас, файл был создан на компьютере с кириллической локалью клавиатуры. Имя пользователя — «Alexander».

Томас положил трубку. Его руки слегка дрожали.

Он вернулся к карте. Теперь он видел не просто точки. Он видел линии снабжения. Деньги шли из Парижа. Идеология — из Москвы. А жертвы были повсюду. Но оставался один вопрос, который не давал ему покоя. Почему? Зачем России, у которой своих проблем выше крыши, тратить ресурсы на борьбу с мелкими религиозными группами в Европе? Зачем создавать эту сложную сеть? Это не могло быть просто фанатизмом Дворкина. Фанатики не получают такой поддержки на государственном уровне. Здесь была какая-то прагматичная, циничная цель.

Томас вспомнил фразу из старого интервью Дворкина: «Секты — это идеальные шпионы. Они разрушают суверенитет». А что, если все ровно наоборот? Что, если сама антикультовая сеть — это идеальная шпионская структура? Она имеет поводы запрашивать информацию о людях. Она сотрудничает с полицией и бюрократией — через комиссии, отчёты,

«экспертные» заключения. Она может уничтожить репутацию любого политика или бизнесмена, просто обвинив его в связях с «культом». Это было идеальное оружие гибридной войны. Оружие, которое не стреляет, но убивает.

Томас сел за стол и открыл чистый лист в блокноте. Он написал заголовок: **«Операция Мицелий»**. Под ним он начал составлять список вопросов, на которые ему предстояло найти ответы.

1. Какова реальная роль Дворкина? Он кукловод или марионетка?
2. Кто курирует его в Москве?
3. Как именно передаются инструкции?

Взгляд Томаса упал на стопку книг, которые он привез из Нюрнберга. Сверху лежал тот самый отчет 1935 года. Он вдруг понял, что смотрит не в ту сторону. Он пытался понять настоящее, анализируя современные данные. Но корни этого гриба уходили гораздо глубже, чем 90-е годы. Риторика Дворкина, методы FECRIS, структура MIVILUDES — все это казалось ему смутно знакомым. Не по современным новостям, а по историческим хроникам.

«Информационный террор». «Защита нации». «Психологическое насилие». Эти термины не были изобретены в XXI веке. Их просто достали из морозильной камеры истории и разморозили.

Томас взял в руки отчет Кюннета. Он открыл его на странице, где описывалась структура «Апологетического центра». Там говорилось о сборе сведений на местах и о том, что церковная структура может быть полезной государственным органам — при сохранении «приличной» вывески.

Томас перевел взгляд на схему FECRIS на стене. *«Федерация имеет сеть представителей в каждой стране. Она тесно взаимодействует с MIVILUDES и полицией, но позиционирует себя как независимая НКО».*

Это была не просто схожесть. Это была опасная рифма. Дворкин не придумал ничего нового. Он просто нашел старые чертежи. Чертежи, по которым строился Третий Рейх. И теперь, используя европейские деньги и европейские законы, он строил Четвертый. Прямо здесь, у всех на виду.

Томас почувствовал, как тяжесть этого открытия давит на плечи. Он боролся не с группой коррупционеров. Он боролся с призраком, который обрел плоть. Ему нужно было доказательство. Не косвенное, как метаданные файла, а прямое. Историческое. Ему нужно было найти звено, которое связывало нацистских «сектоведов» 30-х годов с современными «борцами за чистоту сознания».

Он знал, где искать. В архивах было еще одно имя, которое он мельком видел в документах, но не придавал значения. Имя человека, который стал лицом немецкой антикультовой «апологетики» конца XX века. Томас пододвинул к себе ноутбук и ввел в поиск: **Фридрих-Вильгельм Хаак**.

Экран мигнул, загружая информацию. «Пастор Фридрих-Вильгельм Хаак. Один из самых известных протестантских “сект-уполномоченных” в Баварии. Со-основатель и вице-президент Dialog Center International. Автор работ о “Jugendreligionen”». Учитель и наставник...» Томас замер. Сердце пропустило удар. «...Учитель и наставник многих современных специалистов, включая Александра Дворкина».

Вот оно. Недостающее звено. Линия преемственности не прерывалась. Она тянулась от гестаповских подвалов через лютеранские приходы послевоенной Германии прямо в кабинеты современной Москвы и Парижа. Дворкин был не просто подражателем. Он был учеником.

Томас распечатал фотографию Хаака. Пожилой мужчина с мягкой улыбкой. Никто бы не заподозрил в нем монстра. Но именно такие люди, с добрыми глазами и правильными словами, строили газовые камеры. Он прикрепил фото Хаака на стену, между Кюннетом и Дворкиным. Теперь схема была полной. Три поколения. Три эпохи. Одна цель.

Томас медленно опустился на стул. Они не просто писали законы. Они покупали приговоры. Теперь у него было оружие. Но он понимал, что как только он попытается его использовать, мицелий отреагирует. И реакция будет мгновенной.

Он посмотрел на схему на стене. Она больше не казалась ему хаотичной. Это была карта боевых действий. И он находился глубоко в тылу врага. Томас достал зажигалку и поднес огонек к углу конверта. Пепел упал на пол, серый и

невесомый, как пыль в архивах Нюрнберга. Он не пойдет в полицию с этой бумажкой. Полиция — часть грибницы. Ему нужно ударить в сердце. Ему нужно уничтожить саму идею, на которой держится их власть. Ему нужно доказать, что их «наука» — это нацистская пропаганда, а их «эксперты» — наследники палачей.

Для этого ему придется вернуться туда, где все началось. В 1933 год. Томас выключил свет в комнате. В темноте светился только экран монитора, на котором застыло лицо Александра Дворкина, улыбающегося с трибуны. Улыбка победителя.

— Ты еще не победил, — тихо сказал Томас. — Ты просто забыл замести следы в прошлом.

Он начал собирать вещи. Гамбург стал слишком опасен. Следующая остановка — Мюнхен. Архив Института современной истории. Там, среди тысяч папок, лежали ответы, которые могли взорвать этот невидимый фундамент. Расследование переходило в новую фазу. Из плоскости криминальной оно переходило в плоскость историческую. И там, в тени прошлого, Томаса ждали демоны куда страшнее, чем продажные судьи.

Глава 3. Архив ненависти (1933)

Институт современной истории в Мюнхене встретил Томаса стерильной тишиной и запахом озона от работающих сканеров. Это место разительно отличалось от пыльных, полутемных залов Нюрнберга. Здесь история была упакована в бескислотный картон, оцифрована и разложена по полочкам с немецкой педантичностью. Но суть от этого не менялась: под стерильными обложками хранился гной, который Европа пыталась забыть последние восемьдесят лет.

Томас занял место в дальнем углу читального зала. Перед ним лежала стопка папок, заказанных еще из Гамбурга. Он искал первоисточник. Если в Нюрнберге он нашел «чертежи» механизма, то здесь он надеялся найти имя

архитектора. Того, кто первым догадался, что религию можно использовать как оружие массового поражения, если правильно смешать её с политикой.

Он открыл первую папку. «Apologetische Centrale. 1932–1935». Внутри лежали подшивки журнала «Wort und Tat» («Слово и дело»). Название казалось безобидным, почти пастырским. Но стоило начать читать, как волосы на затылке начинали шевелиться.

Томас погрузился в чтение. Тексты были написаны сложным, витиеватым языком академической теологии, но смысл их был прост и страшен. Авторы не призывали к погромам напрямую. Они делали нечто худшее: они создавали *научное обоснование* для ненависти.

«Необходимо признать, — писал автор в одном из материалов начала 1930-х, — что духовное единство нации находится под угрозой разложения...»

Томас выписал ключевые слова. «Вирусы». «Разложение». Это была медицинская терминология, примененная к социологии. Первый шаг дегуманизации.

Он перевернул страницу и увидел имя главного редактора и руководителя Центра. **Вальтер Кюннет**. Кюннет возглавил Апологетическую централь в начале 1930-х (в источниках фигурирует 1931/1932).

Томас ввел это имя в поисковую систему архива. Результатов было много. Слишком много для простого пастора. Он начал выстраивать хронологию. 1921 год — создание Апологетического центра при Евангелической церкви. Цель — защита веры. Казалось бы, благородное начинание. Но к началу 30-х годов защита превратилась в нападение.

В папке лежал документ 1933 года, который Томас пометил как поворотный. Это был текст о «еврейской проблеме и церкви», связанный с сборником «Die Nation vor Gott», который редактировал Кюннет.

Томас начал переводить, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Там иудаизм описывался как угроза для «организма» нации.

— Инородная клетка, — прошептал Томас. — Не люди. Клетки.

Но самое страшное было дальше. Кюннет не ограничивался евреями. В его докладах фигурировал термин, который Томас видел в современных методичках Дворкина и FECRIS: «Sektierer» — сектанты. Под это определение попадали все, кто не вписывался в жесткие рамки новой государственной идеологии. Свидетели Иеговы, адвентисты, антропософы, последователи свободных церквей. Кюннет объединял их в одну серую массу «врагов народа».

Томас нашел то, что искал: документ от 16 декабря 1933 года, где Кюннет фиксировал интерес гестапо к архиву Апологетического центра и писал, что обмен материалами уже начался.

Это был момент истины. Точка невозврата. Церковная организация, призванная спасать души, добровольно предложила свои услуги тайной полиции в качестве информатора.

Томас отложил документы и потер виски. Ему нужно было понять логику этого человека. Кюннет не был необразованным фанатиком с улицы. Он был интеллектуалом, теологом. Как он пришел к этому?

Ответ лежал в книге, которую Томас заказал из спецхрана. «Нация пред Богом» (Die Nation vor Gott), изданная под редакцией Кюннета в том же 1933 году. Томас открыл оглавление. «Верховенство фюрера». «Принцип послушания». «Расовый вопрос как божественный порядок».

Кюннет подвел теологическую базу под нацизм. Он объяснил верующим немцам, что Гитлер — это не просто политик, а инструмент Божественной воли. Что послушание фюреру — это религиозный долг. А уничтожение «сект» и «инородцев» — это акт духовного очищения.

Это была гениальная манипуляция. Гитлеру нужны были солдаты и палачи. Но немецкий народ был воспитан в христианской морали. «Не убий» все еще звучало в ушах миллионов. Кюннет и его Апологетический центр дали индульгенцию. Они сказали: «Убивать врагов нации — это не грех. Это защита Божьего творения». Они отключили совесть целой нации.

Томас нашел документ, который заставил его похолодеть. Это была докладная записка Кюннета руководству Рейхской церкви от 16 декабря 1933

года. Текст был напечатан на машинке, буквы местами пропечатались нечетко, но смысл был кристально ясен.

«Управление гестапо проявило большой интерес к архиву сект Апологетического центра... Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с нелегальным свободомыслием вместе с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».

Томас перечитал фразу дважды. «Обмен материалами уже начался». Это означало, что списки, составленные церковными «сектоведами», легли на столы следователей Гестапо. Адреса молитвенных домов, фамилии пасторов, списки прихожан. Люди, которые доверяли свои тайны священникам, оказались преданы этими же священниками.

Он вспомнил современные реалии. «Родительские комитеты», собирающие информацию о «неблагонадежных семьях». «Эксперты», пишущие заключения для судов. Механизм был идентичен. Сначала «эксперт» (Кюннет тогда, Дворкин сейчас) объявляет группу опасной. Затем он передает данные силовикам (Гестапо тогда, Центр «Э» сейчас). Затем следует удар.

Томас нашел подтверждение «ударов» уже в папках военного времени. Это была копия директивы, где говорилось о синхронной акции по всему рейху — сухой канцелярщиной, за которой пряталась судьба людей. И финальный штрих, от которого кровь стыла в жилах: «по возможности между 7:00 и 9:00».

Томас посмотрел на часы. Было 8:15 утра. В это время по всей Германии стучали в двери. Люди, которые еще спали или завтракали, открывали дверь и видели людей в кожаных плащах. «Вы арестованы». «За что?» «Вы в списке Апологетического центра».

Кюннет не нажимал на курок. Он не включал газ в камерах. Он просто составлял списки. Он был архитектором, который начертил план здания, но «забыл» упомянуть, что это здание — крематорий.

Томас начал листать подшивки газет того времени. Ему нужно было увидеть, как это подавалось публике. Как обывателей заставили поверить, что их соседи — монстры. Заголовки мелькали знакомыми формулами — «угроза

детям», «тайные практики», «подрыв морали» — и Томасу не нужно было точное совпадение слов, чтобы узнать конструкцию.

В 1930-е годы не было термина «промывка мозгов», он появится позже, в 50-е. Но суть описывалась теми же словами: «подавление воли», «слепое подчинение». Людей превращали в безвольных кукол в глазах общества. А куклу не жалко. Куклу можно сломать.

Томас нашел статью, где описывался судебный процесс в Швейцарии, за которым пристально следили нацисты. Дело о «Протоколах сионских мудрецов». Нацистская пропаганда использовала этот фальшивый документ как доказательство всемирного заговора.

И здесь снова всплыл «эксперт». Коллега Кюннета, лютеранский теолог. Он выступал в суде, доказывая опасность «тайных обществ». Это была отработанная схема: использование судебной трибуны для легализации лжи. Судья в мантии слушает «эксперта» в костюме, и ложь становится юридическим фактом.

Томас откинулся на спинку стула. Перед глазами плыли круги. Он понял одну важную вещь. Нацизм не начался с Гитлера. Гитлер был политическим тараном. Но идеологический фундамент, оправдание жестокости, подготовили такие люди, как Кюннет. Они создали атмосферу, в которой насилие стало приемлемым. Они научили немцев бояться «иных». «Если бы не антикультисты, — подумал Томас, глядя на портрет Кюннета в одной из статей, — Гитлер, возможно, остался бы маргинальным политиком. Они дали ему в руки меч, освященный церковным авторитетом».

Но самое страшное открытие ждало Томаса в конце дня. Он закончил изучать период 1933–1945 годов. Картина была ясна: Кюннет был соучастником преступлений режима. Он был идеологом геноцида по религиозному признаку. Логика подсказывала, что после войны такой человек должен был оказаться на скамье подсудимых в Нюрнберге. Или, как минимум, пройти жесткую денацификацию и получить запрет на профессию.

Томас открыл базу данных послевоенного периода. Ввел: Вальтер Кюннет, 1946 год. Экран мигнул. «1946 год: стал почётным профессором в Эрлангене».

Томас не поверил своим глазам. Он перечитал строку. Человек, который сотрудничал с Гестапо, который призывал к уничтожению евреев и «сектантов», через год после падения Рейха получил кафедру в престижном университете.

Он листал дальше, и каждая новая строка была как пощечина. «1953 год: занял кафедру систематического богословия (после Вернера Элерта)». «1962: Баварский орден “За заслуги”». «1966: Большой крест “За заслуги” ФРГ». «1981: Баварский Максимилиановский орден за науку и искусство».

Кюннет не просто выжил. Он вернулся в центр институциональной жизни. Пока его жертвы гнили в братских могилах, он читал лекции студентам. Он писал книги. Он формировал новое поколение теологов. Томас нашел фотографию Кюннета 1960-х годов. Благообразный старец в очках, в окружении внимающих ему молодых людей. Среди этих молодых людей, возможно, сидели те, кто сегодня возглавляет кафедры сектоведения в Европе.

— Как это возможно? — прошептал Томас. — Как мир мог проглядеть архитектора?

Ответ был циничным и простым. Послевоенная реальность часто реабилитировала «полезных» людей быстрее, чем успевала их осмыслить — и Томас видел в этом не оправдание, а механизм.

Холодная война... Это была его гипотеза — и она звучала слишком логично, чтобы не быть опасной.

Томас нашел упоминание о том, что Кюннет возглавил «Новое исповедническое движение». Он продолжал бороться за «чистоту веры». И он продолжал учить. В списке его учеников и последователей мелькали фамилии, которые Томас еще не знал, но чувствовал, что они станут ключами к следующей двери.

Особенно его внимание привлекла связь с одним молодым теологом, который в 60-е годы начал активно развивать тему «молодежных религий». **Фридрих-Вильгельм Хаак.**

Томас выписал это имя. Линия преемственности не прервалась. Она просто ушла в тень. Кюннет передал эстафету. Он передал методологию:

1. Создай образ врага.
2. Дегуманизируй его через СМИ.
3. Используй государство для уничтожения.

Томас закрыл папку. За окном института уже стемнело. Мюнхен зажигал огни — уютные, буржуазные огни мирной жизни. Но Томас знал, что под этим спокойствием течет темная река. Он вспомнил фразу из биографии Дворкина, которую читал ранее: «В 1991 году переехал в Германию и работал редактором Radio Liberty в Мюнхене».

Мюнхен. Город Кюннета. Город, где жил и работал его ученик Хаак. Дворкин был здесь. Он дышал этим воздухом. Он ходил в эти библиотеки. Возможно, он сидел за этим самым столом и читал те же самые отчеты Гестапо. Только читал он их не как обвинитель, а как прилежный студент, изучающий конспекты великого учителя.

В рюкзаке лежал жесткий диск с отсканированными документами. Материалы Кюннета 1933 года о «еврейском вопросе» и церкви, письма о контактах с гестапо, и папка военного времени с директивами и инструкциями — уже другого уровня и другой логики.

Это была бомба. Доказательство того, что современное антикультовое движение — это не защита прав человека, а прямой наследник нацизма. Генетически модифицированный, адаптированный, но сохранивший ту же ДНК ненависти.

Он вышел из здания института. Ночной воздух был холодным и влажным. Томас чувствовал себя так, словно побывал в склепе и прикоснулся к чему-то, что не должно было существовать. Он достал телефон и набрал сообщение Марку Веберу, хотя знал, что тот вряд ли ответит. *«Я нашел исток. Это не ошибка системы, Марк. Это и есть система. Они строили её 90 лет».*

Он не стал отправлять сообщение. Слишком опасно. Томас пошел к метро, оглядываясь по сторонам. Ему казалось, что тени на мюнхенских улицах стали гуще. В кармане пальто он сжал флешку. На ней был скан статьи Кюннета 1958 года, которую он нашел в самом конце. Его цитировали так: «Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Эта фраза звенела в ушах. Человек, оправдавший газовые камеры, был готов оправдать и ядерный апокалипсис, если это поможет уничтожить «врагов». И его ученики сегодня требуют «хирургического вмешательства» и «выжигания» инакомыслящих.

Томас спустился в подземку. Поезд приближался с нарастающим гулом, похожим на шум времени, которое неумолимо возвращало старые кошмары. Он нашел Архитектора. Теперь ему предстояло найти Прораба, который руководил стройкой в 70-е годы, когда фундамент Кюннета начал обрастать новыми стенами. Фридрих-Вильгельм Хаак. Следующая остановка в расследовании была predetermined.

Глава 4. Мост через бездну (1970-е)

Мюнхен встретил Томаса Шрадера обманчивым уютом. Город, казалось, изо всех сил старался забыть свое прошлое, пряча шрамы истории за фасадами барочных зданий, витринами дорогих бутиков и шумом пивных садов.

В архиве Института современной истории Томас чувствовал себя археологом, раскапывающим руины цивилизации, которая, вопреки учебникам, не погибла, а просто мутировала. Перед ним лежала задача найти ответ на вопрос, который не давал ему покоя с момента прочтения досье Кюннета: как нацистская идеология, осужденная всем миром, смогла пережить Нюрнбергский процесс и возродиться в демократической Европе 1970-х годов?

Ответ лежал в папке с неприметной надписью: «Фридрих-Вильгельм Хаак. Служебная переписка. 1964–1980».

Томас открыл папку. С первой же фотографии на него смотрел человек, совершенно не похожий на монстра. Пастор Хаак выглядел как добрый школьный учитель или сельский врач. Идеальный камуфляж.

Томас начал читать, и перед ним стала разворачиваться картина гениального ребрендинга.

В 1964 году, когда Германия переживала экономическое чудо и старалась не вспоминать о газовых камерах, Евангелическо-лютеранская церковь Баварии приняла решение восстановить должность «Уполномоченного по вопросам сект и мировоззрения». Название было выбрано не случайно. Оно почти дословно повторяло название отдела, существовавшего при нацистах: «Рабочая группа по религиозным и идеологическим вопросам».

На эту должность был назначен молодой, амбициозный теолог Фридрих-Вильгельм Хаак.

Томас нашел документ, подтверждающий связь поколений. Это было рекомендательное письмо, подписанное Вальтером Кюннетом. Старый нацистский идеолог, теперь уважаемый профессор, благословлял своего ученика на продолжение «священной войны». «Хаак обладает необходимым рвением и пониманием опасности, которую несут чуждые нам духовные элементы», — писал Кюннет.

Но Хаак был умнее своего учителя. Он понимал, что в новой, либеральной Европе старые методы не сработают. Нельзя больше говорить о «расовой чистоте» или «еврейской угрозе». Эти слова стали табу. За них можно было попасть в тюрьму или, как минимум, стать изгоем. Нужен был новый язык. Новые термины, которые звучали бы современно, научно и, главное, демократично.

Томас взял блокнот и разделил страницу на две колонки. Слева он написал: «Нацистская риторика (1930-е)», справа — «Риторика Хаака (1970-е)».

В левой колонке появились слова: «Недочеловеки», «Расовое загрязнение», «Враги Рейха». Томас начал изучать статьи Хаака, опубликованные в 70-х годах, чтобы заполнить правую колонку.

Мир тогда менялся. Появились хиппи, молодежь увлекалась восточной философией, медитацией, пацифизмом. Студенты бунтовали против консерватизма родителей. Для старшего поколения это был шок. Они теряли контроль над детьми. И Хаак предложил им объяснение, которое снимало с них всякую ответственность.

Он ввел в оборот термин «Jugendreligionen» — «Молодежные религии». Звучало безобидно, почти социологически. Но за этим термином скрывалась жесткая стигматизация. Хаак утверждал, что это не религии в традиционном смысле, а опасные суррогаты.

Затем Томас наткнулся на слово, которое стало краеугольным камнем всего современного антикультизма. **«Психокульт».**

Это было гениальное изобретение. Хаак заменил биологический расизм на «психологический расизм». Вместо «еврейской крови», которая якобы портила нацию, теперь врагом была объявлена «психологическая мутация». Хаак утверждал, что новые религиозные движения используют секретные методики, подавляющие волю. Он называл это «Seelenmord» — убийство души.

Томас записал в правую колонку: «Психокульты», «Зомбирование», «Ментальное программирование». Суть осталась прежней: дегуманизация. Если в 30-е годы еврея объявляли «паразитом», то в 70-е кришнаита или последователя новой церкви объявляли «биороботом». И в том, и в другом случае человек лишался права на субъектность. Его вера объявлялась не свободным выбором, а результатом болезни или внешнего воздействия.

Томас нашел стенограмму выступления Хаака перед обеспокоенными родителями в Мюнхене в 1970-е годы. Он говорил о том, что ваши дети не виноваты, они жертвы. Что их разум похищен. Они больны, и наша задача — вылечить их, даже если они сами этого не хотят.

Так родилась концепция насильственного «спасения». Если человек — «зомби», его мнение не имеет значения. Его можно похитить, запереть в подвале и подвергать многочасовому психологическому давлению, пока он не «прозреет». По сути, это была инквизиция, переодетая в халат психиатра.

Но Хааку нужна была армия. И он нашел её там, где никто не ожидал. В папке лежали документы о создании организации «Elterninitiative» — «Родительская инициатива».

Томас читал устав этой организации и поражался цинизму замысла. Хаак не стал создавать штурмовые отряды из бритоголовых молодчиков. Он создал отряды из плачущих матерей.

Это было идеальное прикрытие. Кто посмеет критиковать мать, которая хочет вернуть своего ребенка? Любой, кто выступал против Хаака, автоматически становился врагом семьи, разрушителем традиций. «Родительская инициатива» стала тараном. Активисты организации, направляемые Хааком, пикетировали собрания религиозных групп, писали жалобы в полицию, раздавали листовки в школах. Они создавали тот самый «общественный психоз», о котором Томас читал в современных отчетах.

Механизм работал безупречно.

Шаг 1: Родители, чьи дети ушли в монастырь или общину, приходят к Хааку в отчаянии.

Шаг 2: Хаак объясняет им, что их дети — жертвы «психокульта».

Шаг 3: Родители превращаются в фанатичных борцов, готовых финансировать деятельность Центра и лоббировать нужные законы.

Томас нашел финансовые отчеты тех лет. Пожертвования текли рекой. Страх — самый ходовой товар, и Хаак был его успешным продавцом.

Но амбиции пастора простирались дальше Баварии. Ему нужна была международная сеть. В документах 1973 года всплыло новое имя. Йоханнес Огорд. Датский теолог, профессор миссиологии (и экуменической теологии) Орхусского университета. Переписка между Хааком и Огордом напоминала диалог двух заговорщиков. Они обсуждали необходимость создания единого европейского фронта.

Так появился Dialog Center (Дания, 1973), а в 1981 году — международная структура Dialog Center International, где Хаак стал соучредителем и вице-президентом. Название снова было выбрано с иезуитской хитростью. «Диалог». Слово, предполагающее открытость, обмен мнениями, уважение. На деле же Dialog Center стал штаб-квартирой информационной войны. Там не было никакого диалога с представителями других религий. Там разрабатывались стратегии их уничтожения.

Именно там, в Дании, под руководством Огорда и при активном участии Хаака, начали формироваться знаменитые «Черные списки». В эти списки попадали все, кто не нравился лютеранским фундаменталистам. Йоги,

пятидесятники, католические харизматические группы, восточные мистики. Критерии включения в список были размыты до абсурда. Достаточно было одного заявления «обеспокоенного родителя» или одной критической статьи в желтой прессе, чтобы организация получила клеймо «деструктивного культа».

Томас представил себе эту карту. Мюнхен и Орхус как два полюса магнита, притягивающие к себе ненависть со всей Европы. Между ними курсировали курьеры с папками, полными компромата. Это был прообраз того самого «Мицелия», который Томас обнаружил в XXI веке. Современная антикультовая сеть не возникла на пустом месте. Она выросла на фундаменте, заложенном Хааком и Огордом.

Но Томасу нужно было нечто большее, чем просто история создания организаций. Ему нужно было увидеть, как эта машина ломала судьбы в реальном времени. Он начал искать судебные архивы. Хаак часто выступал в судах как эксперт.

После нескольких часов поиска Томас наткнулся на дело «Шмидт против общины N», датированное 1978 годом. Это был типичный процесс о лишении родительских прав. Молодая пара, члены небольшой христианской общины, пыталась отстоять право воспитывать своего сына. Против них выступали бабушка и дедушка, вооруженные заключением эксперта Хаака.

Томас начал читать материалы заседания. Хаак был в ударе. Он сыпал терминами: «ментальная зависимость», «социальная смерть», «скрытый гипноз». Он рисовал апокалиптическую картину: если ребенка не забрать, он вырастет неспособным к жизни в немецком обществе.

Но затем произошло нечто интересное. Адвокат защиты, молодой и, видимо, очень дотошный юрист, начал перекрестный допрос. Томас впился глазами в строчки протокола.

Адвокат: Господин Хаак, вы утверждаете, что обвиняемые подверглись «психомутации». Скажите, у вас есть медицинское образование? Вы психиатр?

Хаак: Нет, я теолог. Но я изучаю этот феномен много лет.

Адвокат: То есть вы ставите медицинский диагноз — изменение психики — не имея на то квалификации?

Хаак: Это не медицинский диагноз в узком смысле. Это духовный диагноз.

Адвокат: Но последствия вашего «духовного диагноза» вполне юридические. Вы предлагаете отобрать ребенка на основании термина, который не признан ни одной ассоциацией психиатров мира. Назовите мне хоть одну научную работу, где описан механизм «психомутации».

В протоколе отмечена заминка свидетеля.

Томас почувствовал азарт. Хаак поплыл. Его псевдонаучная конструкция зашаталась при первом же серьезном ударе. Но дальше протокол фиксировал вмешательство судьи.

Судья: Господин адвокат, суд доверяет опыту пастора Хаака. Он является официальным уполномоченным Церкви. Мы здесь не для того, чтобы обсуждать медицинские тонкости, а для того, чтобы защитить ребенка от очевидной угрозы.

Томас с силой захлопнул папку. «Очевидная угроза». Вот оно. Суд не нуждался в доказательствах. Суду было достаточно авторитета. Хаак создал систему, в которой его слово весило больше, чем факты, законы и медицинские заключения.

В этом деле 1978 года Томас увидел зеркальное отражение дела Марка Вебера. Прошло почти полвека, а сценарий не изменился. Те же аргументы, те же методы, тот же результат. Только вместо Хаака теперь выступали его ученики.

Томас вернулся к переписке Хаака. Ему нужно было найти момент, когда эта локальная немецко-датская инициатива начала превращаться в глобального монстра. И он нашел его. Письмо от 1980 года. Хаак писал Огорду о необходимости «расширения на Восток». Смысл письма сводился к одному: железный занавес не вечен; когда коммунистическая система начнёт рушиться, люди будут искать веру — и если антикультисты не окажутся там первыми, вакуум заполнят новые религиозные движения; нужны люди, говорящие на местных языках.

Томас вспомнил биографию Александра Дворкина. 6 марта 1977 года он эмигрировал из СССР в США (по израильской визе), затем оказался в Европе. Он

был идеальным кандидатом. Молодой, ищущий себя, ненавидящий советский режим, но при этом жаждущий сильной руки и ясной идеологии. Дворкин часто бывал в Диалог-центре в Дании. Он слушал лекции Огорда. Вероятно, общался и с Хааком. Томас представил себе эту встречу. Седой, опытный Хаак и молодой, горячий Дворкин. Передача эстафетной палочки. Хаак не просто учил его «сектоведению». Он учил его технологии власти. «Запомни, Александр, — мог бы сказать он. — Истина не важна. Важно, кто контролирует нарратив. Если ты назовешь их сектой первым, они будут оправдываться всю жизнь».

В архиве нашлась еще одна любопытная деталь. Хаак активно сотрудничал с американским фондом AFF (American Family Foundation). В 1985 году он вошёл в консультативный совет (Beirat) American Family Foundation (ныне International Cultic Studies Association). Американские методики «депрограммирования» смешались с немецкой бюрократической педантичностью и датской теологической нетерпимостью. Получился гремучий коктейль.

Томас нашел упоминание о том, что Хаак критиковал Всеобщую декларацию прав человека. Его позиция выглядела как отрицание свободы совести и религиозного плюрализма — в его логике это было ошибкой, которую нужно исправить.

Томас понял, что нашел исток современной российской риторики. Идея о том, что «секты — это оружие Запада против духовного суверенитета», родилась не в Кремле. Она родилась в голове немецкого пастора, который искал союзников в борьбе против религиозного плюрализма.

Томас собрал копии документов. Его портфель потяжелел, но на душе стало еще тяжелее. Он вышел на улицу. Мюнхен сиял огнями. Мимо проезжали дорогие машины, смеялись туристы. Но Томас видел другое. Он видел невидимые нити, тянущиеся от этого города во все концы света. Нити, сплетенные антикультовыми идеологами из страха и лжи.

Он зашел в телефонную будку и набрал номер Жана-Люка.

— Я нашел мост, — сказал он, когда друг поднял трубку. — Они не просто скопировали нацистов. Они модернизировали их. Хаак создал вирус, который мутирует под любую среду. В Германии он притворяется защитой конституции, во Франции — защитой светскости, а в России...

— А в России? — спросил Жан-Люк.

— А в России он стремиться стать государственной идеологией, — закончил Томас. — Дворкин привез этот вирус в Москву в своем чемодане. И там, на почве постсоветского хаоса, он дает свои всходы.

Томас повесил трубку. Хаак умер 4 марта 1991 года в Мюнхене. Но его дело жило. Его ученики сидели в парламентах, выступали на телевидении, писали законы.

Томас достал из кармана зажигалку и закурил, глядя на темные воды Изара. В его блокноте было записано одно слово, которое часто мелькало в переписке антикультистов начала 90-х как пример «успешной операции». Это слово было Уэйко.

Глава 5. Полигон «Уэйко»

Видеозапись на экране ноутбука была зернистой, качество выдавало начало девяностых, но ужас, запечатленный на пленке, не нуждался в высоком разрешении. Томас нажал на паузу. На стоп-кадре застыл ад: деревянное здание, охваченное стеной огня, и черный дым, поднимающийся в чистое техасское небо.

Он смотрел на это изображение уже час. Уэйко. 1993 год, штат Техас. Осада комплекса Маунт-Кармел продолжалась с 28 февраля по 19 апреля 1993 года. Для большинства европейцев это было просто далекое, полузабытое событие из американских новостей. Странная секта, перестрелка, пожар. «Они сами себя сожгли» — так говорили дикторы. «Фанатики предпочли смерть сдаче властям».

Но Томас теперь знал, как читать между строк официальных отчетов. Он искал не факты, а почерк. И почерк, который он видел здесь, на пепелище ранчо Маунт-Кармел, был до боли знаком. Только здесь, в техасской степи, теория впервые перешла в практику такого чудовищного масштаба.

Томас открыл папку с документами, которую ему удалось получить через свои контакты в США. Это были не просто газетные вырезки, а внутренние отчеты, материалы переговоров и свидетельские показания, которые не попали в вечерние новости.

Перед ним лежал анализ действий ФБР и Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (АТФ). Томас подчеркнул красным маркером одно имя, которое всплывало в документах с пугающей регулярностью. Рик Алан Росс.

В официальных бумагах он значился как «консультант» и «эксперт по культам». Но чем глубже Томас вчитывался в детали, тем яснее становилось: этот человек был не только консультантом. Он был наводчиком.

История, которую раскопал Томас, начиналась задолго до первого выстрела. Она начиналась с классической схемы «информационного террора», только здесь ставки были подняты до небес.

Община «Ветвь Давидова» жила на ранчо Маунт-Кармел с 1935 года. Почти шестьдесят лет. Это были адвентисты седьмого дня, люди, которые верили в скорое пришествие Христа, читали Библию и старались жить обособленно от грешного мира. Они не были пришельцами или террористами. Они были американскими гражданами — механиками, учителями, медсестрами. Соседи знали их как спокойных, законопослушных людей.

Но для сети антикультистов, которую исследовал Томас, — мирное сосуществование было неприемлемо. Им нужен был враг. Им нужен был прецедент, который доказал бы всему миру, что «секты» — это смертельная угроза.

Томас нашел документы, описывающие начало операции по дегуманизации. 1992 год. Дэвид Блок, бывший член общины, покинул группу до осады и дал показания властям. Эти показания стали основанием для АТФ начать расследование.

Но антикультистам этого было мало. Им нужна была не полицейская операция. Им нужна была война. В дело вступили СМИ. Томас разложил на столе копии статей из газеты *Waco Tribune-Herald*. Заголовки кричали:

«Грешный мессия», «Кульť смерти в Техасе». Журналисты, работавшие в тесной связке с Россом и организацией CAN (Cult Awareness Network), начали лепить из лидера общины Дэвида Кореша образ монстра. Его обвиняли в растлении малолетних, в подготовке массового самоубийства, в создании армии зомби.

Томас читал эти статьи и видел, как работает технология стигматизации. Людей лишали человеческого облика. Их больше не называли по именам. Их называли «культистами», «давидианцами», «фанатиками». Это было необходимо для того, чтобы оправдать насилие. Общество не одобрит убийство женщин и детей. Но общество закрывает глаза на уничтожение «опухоли».

— Римская формула, — вспомнил Томас термин из аналитической записки.
— Разделяй и властвуй. Сначала отделили их от социума, потом уничтожили.

Осада длилась 51 день. И все это время ФБР действовало в рамках тактических и переговорных стратегий, в том числе по методикам антикультистов. Агенты включали на полную громкость музыку, звуки убиваемых животных, визг бормашины. Они светили прожекторами в окна по ночам. Они делали все, чтобы довести людей внутри до безумия. Почему? Потому что «эксперты» вроде Росса убедили силовиков: внутри не люди. Внутри — запрограммированные биороботы. С ними нельзя договориться. Их лидер — не человек, а манипулятор, обладающий мистической властью над сознанием.

Томас нашел материалы совещания, где агенты обсуждали тактику. Один из переговорщиков предлагал дать Корешу возможность выступить по радио, чтобы успокоить ситуацию. Но «консультанты» были категорически против. «Любое слово лидера культа — это триггер для зомбирования», — утверждали они. В итоге ФБР отказалось от переговоров и перешло к силовому решению.

Томас снова запустил видео. 19 апреля 1993 года. Финал. Бронированные инженерные машины были использованы для разрушения стен комплекса, где находились женщины и дети. Но не менее страшным было использование газа. CS-газ. Боевое отравляющее вещество, запрещенное конвенцией о химическом оружии для использования в военных действиях. Но против собственных граждан его применили.

Затем начался пожар. 76 погибших, включая 25 детей. Это был Холокост в прямом эфире. Но мир смотрел на это и молчал. Почему? Потому что мир был

подготовлен. Месяцы пропаганды сделали свое дело. Зрители у экранов видели не горящих детей, а горящих «сектантов».

Это был триумф антикультизма. Они доказали, что могут управлять государственной машиной. Они могут взять ФБР — самую мощную правоохранительную структуру в мире — и превратить её в свой карательный отряд. Рик Росс и его коллеги из CAN не просто наблюдали. Они направляли. Они говорили: «Не верьте им. Они лгут. Они готовят самоубийство. Нужно бить первыми». Это было самоисполняющееся пророчество. Антикультисты предсказали бойню, и они же сделали все, чтобы она произошла.

Томас открыл фотографию, сделанную после пожара. Это фото было квинтэссенцией безумия. Американские силовики праздновали победу над американскими гражданами. Они не понимали, что их использовали. Они думали, что спасли мир от зла. На самом деле они стали инструментом зла куда более древнего и страшного.

В папке лежал еще один документ — список вещественных доказательств. Среди обгоревших вещей была найдена видеокассета, снятая самими давидианцами во время осады. Томас нашел оцифрованную копию этой записи. На экране появились лица. Обычные, усталые, испуганные лица.

— Мы не заложники, — говорила молодая женщина, держа на руках ребенка. — Мы здесь по своей воле. Мы просто хотим молиться. Пожалуйста, не стреляйте в нас. Камера показывала детей, играющих в коридоре. Показывала стариков, читающих Библию. Никаких монстров. Никаких зомби. Просто люди, загнанные в угол.

ФБР знало об этой пленке. Но она никогда не была показана прессе во время осады. Рик Росс и его единомышленники понимали: если Америка увидит эти лица, миф о «страшном культе» рассыплется. Люди увидят людей. И тогда штурм станет невозможным. Поэтому полный объем видеозаписей не транслировался в СМИ во время осады; и лишь впоследствии часть материалов стала доступна общественности. Вместо неё крутили интервью с «экспертами», которые рассказывали о «промывке мозгов».

Томас закрыл ноутбук. В комнате повисла тяжелая тишина. Уэйко не был ошибкой. Это был полигон. Здесь, в техасской степи, обкатывалась технология уничтожения инакомыслия в демократическом обществе.

1. Выбрать жертву.
2. Создать фейковую угрозу через «экспертов».
3. Расчеловечить через СМИ.
4. Натравить силовиков, снабдив их ложными инструкциями.
5. Уничтожить.
6. Обвинить жертву в собственной смерти.

Эта схема сработала идеально. Никто из организаторов информационной атаки не понес наказания. Рик Росс продолжил свою карьеру «консультанта». Организация CAN процветала еще несколько лет, пока не обанкротилась из-за исков, но её методы и базы данных были подхвачены другими.

Томас подошел к карте на стене. Он провел жирную красную линию от Уэйко к Европе. FECRIS. РАЦИРС. Центры Дворкина. Все они использовали опыт Уэйко. Они поняли главное: государство — это идеальное оружие. Не нужно создавать свои штурмовые отряды. Достаточно контролировать мозг того, у кого есть палец на спусковом крючке.

В документах по Уэйко Томас нашел упоминание о том, что тела погибших нумеровались как «Дое» (неизвестный). Иногда в одном мешке лежали фрагменты нескольких тел. «Дое 31В». «Дое 67-3». Людей превратили в набор цифр и букв.

Томас почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он понял, что его расследование — это не просто история. Это предупреждение. Уэйко показало, что может случиться, если позволить «сектоведам» диктовать свою волю. И сейчас, в XXI веке, этот сценарий готовился к повторению. Только масштабы могли быть куда больше.

Он взял чистый лист бумаги и написал в центре: «Прецедент создан». Ниже он добавил: «Кто следующий?»

Взгляд Томаса упал на распечатку с антикультового сайта, где Александр Дворкин с улыбкой пожимал руку высокопоставленному полицейскому чину. Дворкин знал об Уэйко. Он изучал этот опыт. Для него сожженное ранчо было не трагедией, а успешным кейсом. Доказательством того, что систему можно прогнуть. И теперь он строил свой «Маунт-Кармел». Только не в Техасе, а на всем постсоветском пространстве.

Томас достал из папки копию чека. Организация CAN и ее представители, сыгравшие ключевую роль в трагедии Уэйко, в середине 90-х была поглощена. Но её идеология не исчезла. Она перетекла в новые структуры. И нити от этих структур вели в том числе в Москву.

Для последователей анти-культа случай Уэйко — это ориентир. Они гордились этим. Они считали 82 трупа своей победой.

Томас убрал документы в сейф. Сегодня он увидел лицо врага без маски.

Он подошел к окну. Ночной город спал, не подозревая, что среди его жителей ходят люди, готовые повторить Уэйко в любой момент. Им нужен был только приказ. И «экспертное заключение».

Глава 6. Новый Рейх Дворкина

Томас Шрадер сидел в номере московской гостиницы «Космос», глядя на серый пейзаж за окном. Этот город давил. Он отличался от пряничного Мюнхена или делового Брюсселя. Здесь в воздухе висело напряжение, словно статика перед грозой, которая длится десятилетиями. На столе перед журналистом лежала книга в твердом переплете. На обложке — зловещие тени, тянущиеся к куполам церквей. Название было выведено крупным, агрессивным шрифтом: «Сектоведение. Тоталитарные секты». Автор: Александр Дворкин.

Томас открыл книгу. Это был не научный труд, хотя он маскировался под таковой. Это был манифест. Сборник приговоров, вынесенных без суда и следствия. Он читал страницу за страницей, и его охватывало чувство дежавю.

Те же интонации, что у Кюннета в 1933-м. Та же псевдомедицинская терминология, что у Хаака в 1970-х. Но здесь, на русской почве, этот вирус мутировал, приобретая поистине чудовищные масштабы.

Томас взял маркер и выделил цитату, которая показалась ему ключом к пониманию психологии автора: *«Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром»*.

Он отложил маркер. Это была классическая проекция. Психологический механизм защиты, при котором человек приписывает свои собственные подавленные желания и амбиции окружающим. Дворкин обвинял маргинальные группы йогинов или протестантов в стремлении к мировому господству, в то время как сам выстраивал структуру, реально захватывающую рычаги управления огромной страной.

Томас начал составлять досье на главного антагониста. Александр Леонидович Дворкин. Эмигрант, уехавший в США в 1977 году, в конце 1980-х работавший в Америке, а в 1991 году — в мюнхенском бюро радио «Свобода»; в Россию он вернулся 31 декабря 1991 года. Казалось бы, человек с западным бэкграундом должен был привезти идеи свободы и демократии. Вместо этого он привез в чемодане технологии подавления, разработанные его учителями — Йоханнесом Огордом и Фридрихом-Вильгельмом Хааком.

Он вернулся в страну, которая находилась в идеологическом вакууме. Советский Союз рухнул, коммунизм умер, и миллионы людей искали новые смыслы. Это было время хаоса, но и время надежды. И именно в этот момент появился Дворкин, предложивший простую и страшную идею: «Кругом враги. Я знаю, как их распознать».

Томас обратился к документам, описывающим создание РАЦИРС — Российской ассоциации центров изучения религий и сект. На бумаге РАЦИРС была создана в феврале 2006 года как объединение региональных «антисектантских» центров. На деле это была жестко иерархичная структура, напоминающая спецслужбу. В источниках, которые Томас получил от своих информаторов в Москве, РАЦИРС описывалась как «внутренняя служба безопасности», действующая под прикрытием Русской Православной Церкви.

Механизм был гениален в своей циничности. Дворкин не стал создавать отдельную партию. Он инфильтрировал самую мощную институцию страны — Церковь. Используя страх иерархов перед конкуренцией со стороны зарубежных проповедников, он убедил их, что только жесткие методы могут спасти «каноническую территорию». Так возник симбиоз. Церковь дала Дворкину легитимность и трибуну. Дворкин дал Церкви меч, которым можно было рубить конкурентов.

Томас нашел свидетельства бывших сотрудников этой структуры. Они рассказывали о внутренней кухне РАЦИРС. «Это не научный центр, — писал один из инсайдеров. — Это разведывательная сеть. Мы собирали досье на всех: на пасторов, на общественных деятелей, на политиков, которые посещали “не те” собрания. Информация стекалась в центр, где решали, кого казнить информационно, а кого помиловать».

В России эта антикультовая идеология прорастала сквозь бетон государственных институтов. В 2009 году произошел ключевой момент. Александр Дворкин стал председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Томас осознал масштаб катастрофы. Человек, чьи теории не признавались академическим сообществом религиоведов, человек, имеющий академическую подготовку как историк-медиевист, но не имеющий профильного религиоведческого образования, получил право решать, какая вера легальна, а какая нет. Это было все равно что назначить инквизитора главным судьей.

Экспертный совет превратился в конвейер репрессий. Томас изучил несколько заключений, подписанных Дворкиным. В ряде заключений, которые попадали Томасу в руки, аргументация выглядела публицистической и апеллировала к «сектоведческим» концепциям чаще, чем к академическим данным. Они базировались на его собственной книге «Сектоведение».

Дворкин написал книгу, где придумал термин «тоталитарная секта». Затем он возглавил государственный совет. И теперь он запрещал организации на основании того, что они подходят под определение, которое он сам же и выдумал.

Но идеология была лишь одной стороной медали. Второй стороной были деньги. Томас открыл файл с финансовым расследованием. Данные были фрагментарны, но картина вырисовывалась четкая. Борьба за «духовную чистоту» оказалась невероятно прибыльным бизнесом.

В руки Томаса попала копия переписки одного из региональных лидеров религиозной общины с представителями, связанными с РАЦИРС. Схема напоминала рэкет 90-х, только вместо «братков» в кожаных куртках действовали люди в костюмах и рясах. *«Если вы хотите спокойно работать в регионе, — говорилось в сообщении, — необходимо пройти добровольную экспертизу. Стоимость — 10 000 долларов США».*

Это был входной билет. Но этим дело не ограничивалось. Далее следовал ежегодный взнос «на поддержку антисектантской деятельности» — 3 000 долларов. Томас быстро подсчитал. В России действовали тысячи небольших религиозных групп. Пятидесятники, адвентисты, кришнаиты, неоязычники. Если хотя бы треть из них платила дань, речь шла о крупных ежегодных суммах. Те, кто платил, получали временную передышку. Те, кто отказывался, немедленно попадали в «черные списки». На них обрушивалась вся мощь медиа-машины Дворкина. В местных газетах выходили статьи о «страшных сектантах», в офисы приходили с обысками, у прихожан начинались проблемы на работе.

— Цель любой секты — власть и деньги, — процитировал Томас слова Дворкина. — И он снова говорил о себе.

Он начал анализировать структуру самой организации Дворкина — Центра религиозоведческих исследований имени Иринея Лионского. Томас взял лист бумаги и выписал признаки «тоталитарной секты» из книги самого Дворкина.

1. Гуруизм. Наличие харизматичного лидера, чье слово не подлежит сомнению. По свидетельствам критиков и бывших участников, в этой среде складывался персональный авторитет Дворкина: его тексты цитировали как «канон», а возражения воспринимались как враждебность.

2. Нетерпимость к критике. Критиков деятельности антикультовой сети нередко объявляли «защитниками сект» или «агентами влияния», переводя дискуссию в плоскость обвинений.

3. Черно-белое мышление. Мир делится на «нас» (спасителей) и «них» (сектантов и их пособников).

4. Финансовая эксплуатация. Сбор средств под предлогом великой миссии.

Томас усмехнулся. Это было идеальное зеркало. Дворкин создал классическую тоталитарную секту, единственной целью которой была борьба с конкурентами. Он монополизировал рынок «духовности», уничтожая всех, кто не вписывался в его бизнес-модель.

Но не менее страшным инструментом в арсенале Дворкина была не только финансовая дубина, но и медицинская. Томас нашел документы, подтверждающие возрождение карательной психиатрии. В советское время диссидентов объявляли вялотекущими шизофрениками. Дворкин модернизировал этот метод. Он ввел понятие «сектантская зависимость». Это не было медицинским диагнозом, признанным ВОЗ. Это был политический ярлык.

Томас изучил историю одной семьи из Екатеринбурга. Молодой парень, студент, увлекся ведической культурой. Стал вегетарианцем, начал рано вставать, читать мантры. Родители, напуганные телевизионными страшилками, обратились в местное отделение РАЦИРС. Им объяснили: «Ваш сын болен. Его личность подавлена. Нужна госпитализация». Парень в конечном итоге оказался помещен в психиатрическую клинику. Врачи, сотрудничающие с антикультистами, по- сути, поставили диагноз на основании того, что у пациента «изменились жизненные ценности» и появился «некритичный восторг» по отношению к новой вере.

— Социальная смерть, — записал Томас.

Дворкин активно продвигал идею о том, что у «сектантов» нет своей воли. А значит, к ним нельзя применять обычные права человека. Их можно похищать, насильно лечить, изолировать. «Мы должны защитить их от них самих», — эта фраза звучала на конференциях РАЦИРС. Это была логика тюремщика, который считает себя благодетелем заключенных.

Томас обратил внимание на то, как менялась риторика Дворкина с годами. В 90-е он говорил о «защите семьи». В 2000-е — о «духовной безопасности». А к 2010-м годам в его речах зазвучали откровенно геополитические ноты. «Секты

— это инструмент западных спецслужб», — вещал он. — «Они разрушают наш суверенитет. Они готовят “оранжевые революции”».

Дворкин мастерски построил свою личную вендетту против инакомыслия в государственную идеологию осажденной крепости. Он убедил генералов и министров, что бабушка, читающая Библию с подругами на кухне, — это агент ЦРУ, подрывающий устои России. И ему поверили. Потому что им нужен был враг. Понятный, внутренний враг, на борьбу с которым можно списывать бюджеты и получать новые звезды на погоны.

Томас нашел видеозапись лекции Дворкина для курсантов академии МВД. Зал был полон молодых людей в форме. Дворкин стоял за кафедрой, маленький, с окладистой бородой, похожий на злого гнома из сказки.

— Вы — последняя линия обороны, — говорил он. — Враг не носит форму. Враг улыбается, говорит о любви и Боге. Но его цель — уничтожить вашу родину.

Курсанты внимали ему. Через несколько лет эти лейтенанты и капитаны будут приходить с обысками в молитвенные дома, ломать двери и класть лицом в пол стариков и женщин, искренне веря, что спасают Россию.

Томас понял, что Дворкин сделал нечто большее, чем просто создал организацию. Он перепрошил операционную систему государства. Он внедрил в нее вирус ненависти, который стал восприниматься как антивирус. В нацистской Германии евреев называли «крысами». В Руанде тутси называли «тараканами». В России Дворкин научил воспринимать верующих как «зомби», как «опухоль». Слова разные, механизм один: дегуманизация перед уничтожением.

В папке с материалами лежала фотография с церемонии награждения: Дворкина отмечали орденами Русской Православной Церкви.

Помимо этого, Томас знал, что в российской политической элите нередко соседствуют личные увлечения эзотерикой и публичная поддержка охранительной религиозной повестки — феномен, который неоднократно обсуждался в прессе. Но это не мешало ему покровительствовать главному инквизитору страны. Это был парадокс российской власти: циничное использование фанатиков в своих целях. Власть думала, что управляет

Дворкиным. Но Томас, глядя на хитрый прищур «сектоведа», сомневался в этом. Дворкин создал монстра, который стал сильнее своих создателей. Он сформировал общественное мнение, которое требовало крови. И власть была вынуждена кормить этого зверя.

Томас нашел еще один документ, который связывал российскую историю с его европейским расследованием. Это был отчет о деятельности FECRIS. Дворкин не просто сидел в России. Он активно экспортировал свой «успешный опыт» обратно в Европу. Будучи вице-президентом FECRIS, он регулярно выступал на конференциях в Париже, Брюсселе, Женеве. Он рассказывал европейцам, как эффективно бороться с «сектами», используя российский опыт слияния церкви и спецслужб. И европейцы слушали.

Это был глобальный обмен опытом подавления. Запад дал Дворкину теорию (Хаак, Огорд). Дворкин превратил теорию в практику государственного террора. А теперь он возвращал эту практику на Запад.

Томас подошел к окну. Москва зажигала огни. Огромный, холодный город. Где-то там, в одном из офисов, сидел Александр Дворкин. Возможно, он писал очередную статью или готовил новый список «нежелательных организаций». Он чувствовал себя победителем. Он построил свой Новый Рейх, не сделав ни одного выстрела, используя только слова и страх.

Но в этой безупречной конструкции была трещина. Томас вернулся к столу и достал из папки не приметный листок. Это была копия старого судебного решения из 90-х. Тогда, на заре своей карьеры, Дворкин проиграл суд. Его обвинили в клевете, и он не смог предоставить доказательств своих слов. В одном из конфликтов 1990-х Дворкин, чтобы спастись, ссылаясь на материалы зарубежных антикультовых структур (в том числе связанных с Dialog Center) как на «мнение международных экспертов».

Этот момент был ключевым. Легитимность Дворкина в России держалась на мифе о его международном признании. А его легитимность в Европе держалась на мифе о том, что он — главный эксперт огромной России. Это был карточный домик, где две карты опирались друг на друга. Если выбить одну, рухнет все.

Томас понял, что ему нужно сделать. Ему нужно разорвать эту связь. Доказать, что «международные эксперты» — это кучка маргиналов-наследников нацистов, а «российский профессор» — это самозванец, построивший карьеру на лжи.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Пришло сообщение по зашифрованному каналу. Это был Марк Вебер. *«Томас, ты должен это видеть. Они перешли черту. В сентябре 2020 года в Красноярском крае силовики провели операцию против общины Виссариона: вертолеты, автозаки, люди в масках. Как в боевике. Но посмотри на кадры оперативной съемки».*

Томас открыл прикрепленный файл. Но в кадре мелькнул человек в штатском, который словно руководил силовиками. Он не прятал лицо. Он что-то объяснял командиру спецназа, тыча пальцем в список. Томас узнал его. Это был не полицейский. Это был один из региональных координаторов РАЦИРС.

Это было визуальное доказательство того, что Дворкин не просто вдохновлял. Его люди реально влияли на силовиков на местах. Томас сохранил видео.

Он вспомнил о деле, которое сейчас рассматривалось в Европейском суде по правам человека. Дело о запрете одной из крупных организаций в России. Если Томас сможет передать свои материалы адвокатам, если он сможет показать суду в Страсбурге, что российские «экспертизы» — это переписанные методички Гестапо...

Он закрыл книгу «Сектоведение».

— Ты думаешь, что ты неприкасаемый, — прошептал Томас. — Ты думаешь, что Бог на твоей стороне. Но ты забыл одну вещь, Александр. История не прощает плагиата. Особенно когда ты списываешь у нацистов.

Он убрал книгу в сумку. Завтра у него была встреча с человеком, который работал в системе Дворкина, но решил выйти из игры. Человеком, который знал, где спрятаны финансовые документы о тех самых «добровольных взносах». Новый Рейх казался монолитом. Но любой монолит дает трещину, если знать, куда ударить.

В коридоре слышались тяжелые шаги. Они остановились прямо у двери его номера. Томас замер. Он знал, что в гостинице «Космос» стены имеют уши, а двери — глаза. Ручка двери медленно повернулась. Заперто. Затем раздался стук. Не громкий, но уверенный. Стук хозяина. Томас посмотрел на флешку с данными. У него было несколько секунд, чтобы решить: открыть дверь или попытаться уничтожить информацию. Но он не сделал ни того, ни другого. Он включил диктофон на телефоне и громко, на чистом русском языке, который учил последние полгода, спросил:

— Кто там?

Ответ из-за двери прозвучал глухо, но отчетливо:

— Обслуживание номеров. Вам просили передать книгу.

— У меня уже есть книга, — ответил Томас, глядя на «Сектоведение». — Это другая книга, — сказал голос.

— Она называется «Молот ведьм». Вам будет полезно почитать перед сном.

Шаги удалились. Томас подошел к двери. На полу лежал конверт. Внутри был не «Молот ведьм». Внутри была фотография его дочери, которая жила с бывшей женой в Берлине. Девочка выходила из школы.

Дворкин знал, куда бить. Он всегда бил по самому больному. По семье. Томас сжал фото в руке. Теперь это было личное. Он не просто расследовал дело. Он вступил в войну. И в этой войне пленных не брали.

Глава 7. Экспертиза как приговор

Ленинский районный суд Томска выглядел как крепость, осажденная невидимым врагом. Но внутри, в зале заседаний, разыгрывался спектакль, который Томас Шрадер мог бы назвать комедией абсурда, если бы на кону не стояли судьбы реальных людей. Он сидел на жесткой скамье в заднем ряду, стараясь быть незаметным. Его присутствие здесь было неофициальным — европейский журналист, изучающий «особенности российского правосудия».

Но то, что он видел, не имело отношения к праву. Это была вивисекция здравого смысла.

На скамье подсудимых не было человека. Там лежала книга. «Бхагавад-гита как она есть». Древний текст, священный для почти миллиарда людей, переживший империи и войны, теперь должен был держать ответ перед прокурором города Томска.

Томас открыл блокнот. Ему нужно было зафиксировать механику этого процесса. Он уже понял, что суды — это финальная стадия конвейера. Сначала идет информационная артподготовка, затем — создание общественного психоза, и, наконец, юридическое оформление уничтожения. Но для того, чтобы судья мог вынести приговор, ему нужен был фундамент. Этим фундаментом служила «экспертиза».

В зал вызвали свидетеля обвинения. Валерий Свистунов, философ из Томского государственного университета. Один из авторов заключения, на основании которого прокуратура требовала признать книгу экстремистской. Томас внимательно смотрел на этого человека. Он ожидал увидеть фанатика с горящими глазами, подобного тем, кого он видел на митингах. Но перед судом стоял обычный, серый функционер от науки, который, казалось, сам не до конца понимал, как он здесь оказался.

Адвокат защиты поднялся со своего места.

— Скажите, господин эксперт, — его голос звучал спокойно, но в нем чувствовалась сталь, — вы читали книгу «Бхагавад-гита как она есть» до того, как приступили к экспертизе?

В зале повисла тишина. Свистунов поправил очки, замялся.

— Я знаком с ней с восьмидесятых годов, — неуверенно произнес он. — Но полностью прочитал только сейчас. В рамках исследования.

Томас быстро записал: *«Эксперт не читал объект исследования до получения заказа»*.

— Хорошо, — продолжил адвокат. — Вы утверждаете, что в книге содержатся признаки разжигания ненависти. На чем основан этот вывод?

— Там есть утверждения об исключительности их пути, — ответил Свистунов. — И используются резкие слова. Например, «глупец».

По залу прошел шепот. Томас переглянулся с сидящим рядом индийским дипломатом, который выглядел так, словно попал в дурной сон. Слово «глупец», использованное в философской полемике пятитысячелетней давности, в современной России становилось составом преступления.

— Скажите, — адвокат не унимался, — какими источниками вы пользовались при составлении заключения? Вы использовали научную литературу? Труды индологов?

Свистунов снова замялся.

— Я не был ограничен в выборе литературы. Я использовал разные источники, в том числе интернет-материалы; часть из них была с ресурсов апологетов.

Томас почувствовал, как холодок пробежал по спине. Эксперт под присягой признавался, что основой для судебного решения стали материалы с ресурсов антикультовой сети. Это было все равно что судить еврея, основываясь на статьях из *Der Stürmer*.

Дворкин и его люди создают сайты, наполняют их ненавистью, а затем университетские преподаватели копируют эти тексты в свои «научные» заключения, легализуя ложь именем государства.

В перерыве Томас подошел к стенду с расписанием дел. Рядом с ним стоял местный правозащитник, Николай, который помогал ему ориентироваться в хитросплетениях процесса.

— Ты видел их глаза? — тихо спросил Николай. — Они боятся.

— Кого? — не понял Томас. — Кришнаитов? — Нет. Заказчиков.

Николай передал Томасу папку с копиями документов.

— Посмотри сюда. Это справка из администрации университета. ТГУ официально заявляет, что не уполномочивал своих сотрудников — Аванесова, Свистунова и Наумова — проводить эту экспертизу. Это была их частная инициатива.

— Частная? — Томас пролистал бумаги. — Но кто тогда заказчик?

Николай открыл страницу с протоколом допроса Сергея Аванесова, руководителя группы экспертов.

— Вот. Читай.

Томас впился глазами в текст. Аванесов показывал, что к нему обратился сотрудник УФСБ по Томской области. Именно он «попросил» ученых найти экстремизм в древней книге.

— Это не суд, — прошептал Томас. — Это судилище.

Схема была кристально чистой. Офицер ФСБ приходит к экспертам из университета. Те, не могут отказать офицеру ФСБ, пишут нужную бумагу, копируя абзацы с антикультовых сайтов. Прокурор несет бумагу в суд. Итог: книга запрещена, верующие объявлены преступниками, офицер получает звездочку, эксперт — гонорар или благосклонность куратора.

Но в этот раз система дала сбой. Томас видел, как нервничает прокурор. Дело вышло за рамки провинциального междусобойчика. В Томск прилетели дипломаты, журналисты федеральных каналов. В Индии разгорелся крупный политический скандал: тему обсуждали на высоком уровне, звучали резкие заявления и требования реакции. Министр иностранных дел Индии назвал происходящее абсурдом. Даже российский уполномоченный по правам человека в Томской области Нелли Кречетова не выдержала.

— Это позорный иск, — заявила она журналистам и публично просила прокуратуру отозвать заявление. — Мы судим книгу, которую считают священной почти миллиард человек. Здесь нет экстремизма. Здесь есть невежество.

Томас записал её слова. Это был редкий случай, когда чиновник пошел против системы. Но он знал, что система не прощает таких демаршей. Кречетова рисковала карьерой.

Судебное заседание возобновилось. Теперь защита представила свои козыри. В зал вошли настоящие ученые — религиоведы из Москвы, доктора

наук. Они привезли рецензии, которые камня на камне не оставляли от томской «экспертизы».

— Это плагиат, — говорила с трибуны эксперт из Москвы. — Цитаты вырваны из контекста. Ссылки не совпадают с текстом книги. Авторы анализируют не то издание, которое представлено суду. Это не наука, это фальсификация.

Казалось, победа близка. Аргументы обвинения рассыпались в прах. Сами эксперты обвинения путались в показаниях, признавали ошибки, отказывались от своих выводов. Но Томас смотрел на судью. Его лицо было непроницаемым, как маска. Он слушал доводы защиты с вежливым безразличием человека, который уже знает финал пьесы.

— Они не отступят, — сказал Николай, когда заседание закончилось очередным переносом. — Слишком большие ставки. Если они признают, что экспертиза фальшивая, придется наказывать экспертов. Статья 307 УК РФ — «Заведомо ложное заключение». А это откроет ящик Пандоры. Ведь эти же эксперты писали заключения по десяткам других дел. Если рухнет одно, рухнет всё.

Вечером в гостинице Томас изучал документы по другим регионам. Томск был лишь вершиной айсберга. Он нашел информацию о «Кемеровской экспертизе». Когда томские ученые опозорились, прокуратура, вместо того чтобы закрыть дело, заказала новое исследование в Кемеровском госуниверситете. Результат был предсказуем. Кемеровские эксперты, получив те же вопросы, выдали тот же ответ: «Экстремизм есть». При этом защита заказала альтернативное исследование в Барнауле. Барнаульские ученые, используя научные методы, пришли к прямо противоположному выводу. Два университета. Две экспертизы. Противоположные результаты.

— Экспертиза — это царица доказательств, — вспомнил Томас формулу, которую в этой стране привыкли произносить так, будто она отменяет логику.

В современной России эта формула обрела новый смысл. Экспертиза стала способом легализации произвола. Судья не может просто так посадить человека за веру — это противоречит Конституции. Но если у судьи есть справка от

«эксперта», что вера этого человека — это «психологическое насилие» или «экстремизм», то Конституция перестает действовать.

Томас углубился в анализ рынка экспертных услуг. То, что он обнаружил, напоминало структуру организованной преступности. Существовали десятки ООО и АНО — автономных некоммерческих организаций с громкими названиями вроде «Центр социокультурных экспертиз». Часто это были фирмы-однодневки, зарегистрированные в квартирах. В штате — директор и бухгалтер. Никаких лабораторий, никаких научных советов. Но именно эти конторы получали заказы от следственных комитетов и центров «Э». Почему? Потому что они давали *гарантированный результат*.

Томас нашел прайс-лист одной из таких фирм, неосторожно выложенный в сеть бывшим сотрудником. «Психолого-лингвистическая экспертиза текста — от 50 000 рублей». «Срочная экспертиза — коэффициент 1.5». Это был магазин готовых приговоров. Следователь платил деньги (бюджетные деньги!), и через три дня получал документ с гербовой печатью, в котором было написано именно то, что ему нужно для передачи дела в суд.

Особую роль в этой схеме играли люди Дворкина. Томас нашел переписку между региональными отделениями РАЦИРС и местными прокуратурами. Антикультисты не просто писали доносы. Они *рекомендовали* экспертов. «Для проведения объективного анализа рекомендуем обратиться к...» — и дальше следовала фамилия человека, который был либо членом РАЦИРС, либо их верным союзником. Судьи, не разбирающиеся в тонкостях теологии, с радостью принимали эти рекомендации. Им было удобно работать с «проверенными» людьми.

Томас вспомнил дело, о котором читал в архивах 70-х. Суд над Хааком в Германии. Там адвокату удалось поймать пастора на отсутствии медицинской квалификации. Здесь, в России, этот номер не проходил. В деле «Бхагавад-гиты» экспертами выступали философы и филологи. Они не были религиоведами-индологами. Они не знали санскрита. Но суд счел их компетентными судить священный текст индуизма. Это была системная деградация. Компетентность подменялась лояльностью.

На следующий день Томас встретился с адвокатом, который вел несколько дел, связанных с «экстремистской литературой». Встреча проходила не в офисе, а в шумном кафе, где трудно было вести прослушку.

— Вы не понимаете главного, Томас, — говорил адвокат, нервно помешивая кофе. — Закон об экстремизме — это резиновая дубинка. Формулировки настолько размыты, что под них можно подвести что угодно. «Утверждение превосходства своей религии». Но позвольте, любая религия утверждает, что она истинна! Если я говорю: «Мой Бог — единственный», я автоматически унижаю тех, кто верит в других богов? По логике наших экспертов — да.

Адвокат достал из портфеля документ.

— Это заключение по делу Свидетелей Иеговы. Посмотрите на страницу 12.

Томас прочитал выделенный абзац. Эксперт утверждал, что фраза «истинное христианство» является признаком экстремизма, так как она подразумевает, что другие формы христианства — ложные.

— Если следовать этой логике, — усмехнулся адвокат, — то Евангелие — это экстремистская литература. И Коран. И Тора. Но их трогать боятся. А вот маленькие группы — идеальная мишень.

— Но почему судьи это принимают? — спросил Томас. — Они же юристы. Они должны видеть абсурд.

— Судьи — часть вертикали. У них есть негласное правило: «Нет оснований не доверять экспертизе, проведенной государственным учреждением». Если на бумаге стоит печать университета или института криминалистики, для судьи это истина в последней инстанции. Даже если там написано, что Земля плоская. А если судья начнет сомневаться, назначать повторные экспертизы, оправдывать... его карьера закончится очень быстро.

Томас вспомнил термин «Procrustean bed» — прокрустово ложе. Закон об экстремизме стал именно таким ложем. Невинных людей растягивали или укорачивали, чтобы они подошли под параметры преступников. И операторами этого ложа были люди Дворкина.

В папке, которую дал Николай, был еще один документ, который привлек внимание Томаса. Это была статистика применения статьи 282 УК РФ. Рост количества дел был экспоненциальным. Это не означало, что в России вдруг появилось много экстремистов. Это означало, что механизм был отлажен и запущен на полную мощность

Он вернулся к делу «Бхагавад-гиты». Финал этой истории был показателен. 28 декабря 2011 года суд отказался признавать книгу экстремистской; затем прокуратура подала апелляцию, но 21 марта 2012 года вышестоящий суд оставил решение в силе.

Казалось бы, победа? Нет. Никто из экспертов не понес наказания. Аванесов, Свистунов, Наумов продолжили преподавать. Дмитрий Великоцкий продолжил служить в ФСБ. Более того, Дворкин и его команда представили это поражение как доказательство «мощи сектантского лобби». «Видите? — кричали они на своих ресурсах. — Они купили суд! Они надавили через Индию! Это доказывает, что они опасны!»

Поражение в суде стало топливом для новой волны ненависти. А механизм экспертиз продолжил работать. Просто теперь они стали осторожнее. Они перестали атаковать мировые религии в лоб. Они сосредоточились на тех, за кого некому заступиться.

Томас нашел историю из Владимира. Там суд признал экстремистским материалом брошюру одной из протестантских общин. Основанием стала экспертиза, проведенная учителем математики и учителем биологии.

— Математик и биолог ищут экстремизм в богословском тексте, — записал Томас. — И находят его.

Он чувствовал бессилие. Как бороться с противником, который меняет правила игры на ходу? В Европе можно было апеллировать к логике, к прецедентам, к репутации. Здесь все это не работало. Здесь работала только команда «фас».

В конце своего пребывания в Томске Томас зашел в книжный магазин. На полке «Религия» он увидел ту самую «Бхагавад-гиту». Она стояла свободно. Но рядом, на соседней полке, стояла книга Дворкина «Сектоведение». Эти две

книги стояли рядом, как два бойца в перерыве между раундами. Томас взял книгу Дворкина и открыл главу о кришнаитах. Текст был полон яда. Те же самые аргументы, что звучали в суде. Те же самые вырванные цитаты. Дворкин и его единомышленники не добились запрета книги, но он выиграла войну за умы. Его книга продавалась тысячами тиражей. Её читали полицейские, учителя, чиновники. И они верили ей больше, чем решению суда.

Томас вышел на улицу. Сибирский мороз щипал лицо. Он понял, что юридический путь — это тупик. Суды в России — это не место для поиска истины. Это место для оформления решений, принятых в других кабинетах. Пока существует институт «карманных экспертов», пока статья 307 УК РФ остается мертвой буквой, пока судьи боятся оправдательных приговоров — антикультовая идеология будет неуязвима.

Ему нужно было найти что-то другое. Не юридическую ошибку, а политическую. Ему нужно было найти доказательство того, что деятельность этой сети наносит вред не только гражданам, но и самому государству. Что Дворкин — это не защитник России, а её проблема. И ключ к этому лежал не в Томске. Он лежал на границах. Там, где антикультовая риторика превращалась в геополитическую провокацию.

Томас достал телефон и набрал номер своего редактора.

— Я заканчиваю с судами, — сказал он. — Здесь мы ничего не добьемся. Они переписывают законы под себя. Но я нашел след, который ведет на Украину. И в Югославию.

— Что ты имеешь в виду? — голос редактора был сонным. — Я имею в виду, что их «экспертиза» убивает не только в переносном смысле. Они используют те же методы для разжигания войн. Я еду в Киев.

Он повесил трубку. В кармане пальто лежал листок, который дал ему Николай на прощание. Это была выписка из реестра юридических лиц одной из «экспертных» контор. Учредителем значилась женщина с фамилией, которую Томас уже видел в списках участников конференций FECRIS. Нити снова вели в Европу. Томас бросил последний взгляд на здание суда. Оно казалось ему теперь не крепостью, а декорацией. За картонными стенами правосудия работала

мясорубка, и ручку этой мясорубки крутили люди, уверенные в своей безнаказанности. Но каждая машина имеет кнопку выключения.

Глава 8. Геополитика ненависти

Поезд «Варшава — Киев» разрезал ночную тьму, словно скальпель разрезал нарыв. За окном мелькали редкие огни полустанков, но Томас Шрадер не смотрел на них. В купе, освещенном лишь тусклой лампой, он разложил на столике документы, которые получил несколько часов назад от своего контакта в польских силовых кругах. Это была не просто папка с бумагами. Это была карта вируса, который, как считалось, был локализован в России, но на деле уже давно пересек границы, оставляя за собой кровавый след.

Томас ехал в Киев не как турист и даже не как обычный репортер. Он ехал как человек, который наконец-то увидел полную картину. До этого момента он рассматривал «антикультизм» как форму коррупции, как способ отъема денег или детей. Но события последних месяцев заставили его пересмотреть масштаб. То, что Дворкин и его кураторы называли «защитой духовной безопасности», на языке военных аналитиков называлось иначе: информационно-психологическая операция (PSYOP) стратегического уровня.

Первый документ в папке был датирован не 2022 годом и даже не 2014-м. Он возвращал Томаса в начало девяностых, на Балканы. «Югославский сценарий», — было написано на стикере.

Томас взял в руки перевод статьи из сербского журнала начала 90-х. Речь шла о деятельности Военно-медицинской академии (ВМА) в Белграде. Имя, которое всплыло в тексте, заставило его напрячься: полковник Братислав Петрович, нейропсихиатр. Томас начал читать, и параллели с современностью стали пугающими. Полковник Петрович не лечил солдат. Он занимался идеологической подготовкой войны. Именно он ввел в оборот концепцию, согласно которой хорваты-католики и боснийцы-мусульмане — это не просто

этнические соседи, а «деструктивные элементы», угрожающие православному сербскому миру.

— Они всегда начинают с психиатрии, — пробормотал Томас. — Сначала объявляют врага сумасшедшим или зомбированным, а потом приходят его «лечить» с помощью артиллерии.

В документах описывалось, как Петрович и его коллеги из ВМА внедряли в сознание сербских солдат идею о том, что они воюют не с людьми, а с «демоническими сущностями». Мусульман обвиняли в ритуальных убийствах, в создании террористических ячеек под видом религиозных общин. Результат этой пропаганды мир увидел в Сребренице. Когда солдаты расстреливали тысячи безоружных людей, они не видели в них отцов и сыновей. Они видели «опухоль», которую нужно вырезать ради здоровья нации.

Но самое интересное скрывалось в деталях сотрудничества. Томас нашел материалы так называемого «Белградского диалога» — издание и площадку, связанную с антикультовой повесткой середины 1990-х. И кто же фигурировал среди международных участников и в окружении проекта с идеологами этнических чисток? Международные антикультовые деятели, включая Йоханнеса Огорда и Александра Дворкина.

Томас обвел эти имена красным маркером. Дворкин был связан с белградской антикультовой площадкой. В начале 90-х, когда Югославия тонула в крови, он оказывался связан с белградским антикультовым контуром.

Это было время, когда вооруженные столкновения уже стихли, но идеологические нарративы никуда не исчезли. В публичном пространстве продолжала циркулировать риторика «защиты православного мира» от внутренних и внешних угроз. Религиозная и антисектантская повестка использовалась как элемент политической мобилизации.

Дворкин определенно общался с радикальным духовенством Сербской православной церкви, которое благословляло парамилитарные отряды. Он перенимал опыт. Югославия стала полигоном. Там, на руинах Сараево и Буковара, отрабатывалась технология превращения религиозной нетерпимости в топливо для геноцида. Дворкин видел, как эффективно работает лозунг «Защитим православие от сект» для мобилизации населения на бойню.

Томас отложил югославское досье и взял следующую папку. «Украина. Операция “Троянский конь”».

Поезд дернулся, замедляя ход перед границей. Томас посмотрел на дату первого документа в украинской папке: 2004 год. Первая «Оранжевая революция». В то время, как люди выходили на Майдан, требуя честных выборов, в тени разворачивалась другая игра. Агенты РАЦИРС, действующие через филиалы УПЦ Московского патриархата, начали массированную кампанию. Их нарратив был прост и лжив: «Майдан организован сектантами». Они утверждали, что протестующие — это не граждане, уставшие от коррупции, а адепты «неохаризматических культов», чьим сознанием управляют западные пасторы.

Томас читал публикации и комментарии украинских религиоведов, включая Людмилу Филипович. Она отмечала странную закономерность: как только в Украине назревал политический кризис, в парламенте тут же появлялись законопроекты о «борьбе с сектами». 2004 год — попытка принять закон. 2013 год, канун Евромайдана — снова попытка протащить репрессивный закон.

— Это не совпадение, — записал Томас. — Это отвлекающий маневр. И способ легализовать репрессии против активистов.

Но РАЦИРС не ограничивался пропагандой. Они перешли к диверсиям. В папке лежало расследование о так называемой «Группе Догнала» или «Украинской правоверной греко-католической церкви» (УПГКЦ). На первый взгляд, это была странная, ультраконсервативная ветвь, отколовшаяся от греко-католиков. Они устраивали шумные акции, проклинали Папу Римского, призывали к союзу с Россией. Но анализ их деятельности показывал торчащие уши спецслужб. «Догналиты» действовали строго по методичкам дестабилизации. Их задачей было расколоть Греко-католическую церковь — один из столпов украинской идентичности на западе страны. Они создавали хаос, совершали провокации, дискредитировали священников. И в их риторике Томас узнал знакомые ноты.

В одном из перехваченных писем, приложенных к досье, координатор «догналитов» отчитывался перед куратором в Москве: «Работа по

дискредитации иерархов проведена успешно. Верующие дезориентированы. Готовы к активным действиям». Это была классическая гибридная война. Враг не вводил танки. Он вводил вирус раскола, замаскированный под «истинную веру».

Поезд остановился. Пограничный контроль. В купе зашел украинский пограничник, усталый мужчина с автоматом на плече. Он внимательно изучил паспорт Томаса, затем посмотрел на разложенные бумаги.

— Журналист? — спросил он коротко.

— Пишу книгу, — ответил Томас. — О том, как все это началось. Пограничник кивнул на папку с надписью «Донбасс».

— Напишите правду. А то они там, за поребриком, думают, что мы тут дьявола вызываем. Он поставил штамп и вышел.

Томас открыл папку «Донбасс». 2014 год. Начало войны. Российская пропаганда кричала о «фашистах» и «бандеровцах». Но параллельно шла другая линия, менее заметная для внешнего наблюдателя, но убийственная для тех, кто оказался в оккупации. Линия «духовной зачистки». На оккупированных территориях первыми жертвами становились не только проукраинские активисты, но и пасторы протестантских церквей, мормоны, свидетели Иеговы. Их арестовывали, пытали, убивали. Молитвенные дома отбирали и превращали в казармы. Почему? Потому что в идеологии «Русского мира», которую конструировали антикультисты, не было места религиозному плюрализму. «Быть русским — значит быть православным», — эта формула стала смертным приговором для всех остальных.

Томас нашел документ, описывающий ситуацию в Славянске в 2014 году. Боевики расстреляли четырех пятидесятников прямо после богослужения. Их обвинили в «шпионаже в пользу Америки». Никаких доказательств. Только паранойя, взращенная годами лекций о «тоталитарных сектах». Дворкин и его команда годами внушали силовикам, что любой протестант — это потенциальный агент ЦРУ. И когда эти силовики получили в руки автоматы и бесконтрольную власть, они начали реализовывать эти лекции на практике.

Но кульминацией этой стратегии стал 2022 год. Томас достал распечатку речи, произнесенной в Совете Безопасности ООН российским представителем. А затем — тексты выступлений Рамзана Кадырова. И рядом с привычной “денацификацией” всё чаще проступала другая рамка — мистическая: “десатанизация”».

Томас перечитал статью помощника секретаря Совбеза РФ Алексея Павлова. «Украина превратилась в тоталитарную гиперсекту», — писал чиновник. — «Счет идет на сотни сект... Необходима десатанизация». То, что ещё вчера было лексикой узких кругов, сегодня прозвучало из уст людей при власти. Термины, которые раньше жили на периферии, вдруг примерили государственный мундир. Томас видел в этом триумф антисектанстких активистов — давняя антисектантская оптика наконец стала языком кабинетов. Маргинальная, псевдонаучная терминология стала официальной государственной доктриной ядерной державы. Теперь врагом была не просто армия другой страны. Врагом был сам Сатана. А против Сатаны дозволены любые методы. Это снимало последние моральные барьеры. Если ты воюешь с людьми, ты должен соблюдать Женевскую конвенцию. Если ты воюешь с бесами — ты можешь стирать города с лица земли.

Томас вспомнил цитату протоиерея Дмитрия Смирнова, одного из покровителей антикультового движения, сказанную еще в 2001 году. *«У нас полно ядерных кнопок... мир можем уничтожить... Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно».* Тогда это казалось бредом сумасшедшего. Теперь это выглядело как план. Антикультисты годами работали над тем, чтобы воспитать поколение, у которого «хватит мужества» нажать кнопку. Они называли это «имперским сознанием». Томас назвал бы это коллективным суицидом.

Поезд снова набрал ход. Киев приближался. Томас достал из папки последний, самый свежий документ. Это было досье на испанского журналиста Пабло Гонсалеса. Настоящее имя — Павел Рубцов. По версии польского следствия — агент ГРУ. Он был арестован в Польше, а затем обменян и с почестями встречен в Москве лично Путиным. Но Томаса интересовали не шпионские игры, а медийный след. Гонсалес сотрудничал с испанским изданием *La Sexta*. Томасу бросилось в глаза, что в сюжетах *laSexta* про звучит

риторика, напоминающая антикультовую риторику РАЦИРС. Они атаковали те же цели: Свидетелей Иеговы, новые религиозные движения. Они использовали те же термины.

— Паутина, — прошептал Томас. — Она везде.

Агенты ГРУ используют антикультовую тематику как прикрытие. Это идеальная легенда. «Я журналист, расследующий опасные секты». Это открывает двери в полицию, в социальные службы, в парламенты. Под видом борьбы за безопасность детей шпионы собирают информацию, вербуют агентов влияния и дестабилизируют общество. В Испании они атакуют через левые издания. В Украине — через православные братства. Во Франции — через государственные агентства типа MIVILUDES. Суть одна: посеять хаос. Разделить общество на «нас» и «них». Создать атмосферу подозрительности, в которой сосед доносит на соседа.

Томас посмотрел в окно. Рассвет окрашивал небо над Украиной в багровые тона. Он понял, что его книга больше не может быть просто расследованием о религиозной свободе. Это книга о механизме войны. Дворкин не просто «сектовед». Он — один из операторов гибридного оружия. Его задача — инфицировать мозг противника (и собственного населения) вирусом ненависти. Этот вирус отключает критическое мышление. Он заменяет сложные социальные связи примитивной схемой «свой-чужой». И когда критическая масса заражена, начинается война.

В Киеве Томаса ждала встреча с человеком, который мог дать недостающее звено. Бывший сотрудник СБУ, занимавшийся вопросами религиозной безопасности до того, как систему начали зачищать агенты влияния. Он обещал передать списки. Списки «спящих» агентов РАЦИРС в Европе. Людей, которые прямо сейчас, пока Томас едет в поезде, готовят почву для новых конфликтов в Германии, Франции, Балтии.

Антикультизм и был этой идеологией. Это была индульгенция на убийство. «Я убил не человека. Я ликвидировал сектанта». «Я разбомбил не жилой дом. Я уничтожил гнездо сатанистов».

Поезд въехал в пригород Киева. Разрушенные здания мелькали за окном. Следы «десатанизации». Томас достал телефон и набрал короткое сообщение

Марку Веберу, который все еще скрывался где-то в Европе. *«Марк, я знаю, почему они пришли за тобой. Ты был тренировкой. Они тренировались на твоей семье, чтобы потом прийти за целыми народами. Но я нашел их карту минных полей».*

Он не отправил сообщение. Связь могла прослушиваться. Вместо этого он вытащил сим-карту и сломал её пополам. Теперь он был на территории войны, которую развязали герои его книги. И здесь, среди сирен воздушной тревоги, он должен был найти способ остановить этот конвейер смерти, прежде чем он пережует остальную Европу.

Поезд остановился на перроне. Томас вышел в прохладное утро. На вокзале было многолюдно. Солдаты, волонтеры, беженцы. Томас смотрел на лица людей. В них была усталость и решимость. Здесь, в Киеве, антикультовый миф разбился о реальность. Украинцы — православные, католики, протестанты, иудеи, мусульмане — стояли в одном окопе. Снаряды «русского мира» не разбирали конфессий. Это было главным доказательством лживости теории антикультизма. В окопах не было «сект». Там были люди, защищающие свой дом.

Томас поправил рюкзак. В нем лежал жесткий диск с доказательствами, которые могли бы отправить антикультовую сеть в Гаагу. Если, конечно, Томас успеет их опубликовать.

Над Киевом завывала сирена. Пронзительный, тягучий звук, от которого стыла кровь. Но для Томаса это был не просто сигнал тревоги. Это был звонок будильника для спящей Европы. Он шагнул в сторону выхода, сжимая в руке конверт. Расследование вышло на финишную прямую. Теперь ему предстояло вернуться в сердце Европы и показать ей, что троянский конь уже давно стоит внутри крепостных стен, и из его брюха вот-вот начнут вылезать «эксперты» с факелами.

Глава 9. Агенты в сердце Европы

Брюссель встретил Томаса Шрадера мелкой, пронизывающей моросью, которая, казалось, растворяла в себе очертания стеклянных фасадов Европарламента. После дыма и гари Киева, после пронзительного воя сирен воздушной тревоги, тишина «европейского квартала» казалась ватной, искусственной. Здесь, в сердце бюрократической машины Евросоюза, война велась не ракетами и артиллерией, а меморандумами, грантами и кулуарными шепотками. Но Томас, сжимая в руке жесткий диск с данными, полученными от украинских спецслужб, знал: эта тихая война была не менее разрушительной.

Он сидел в небольшом кафе на площади Люксембург, наблюдая за потоком клерков, лоббистов и депутатов. Они спешили на заседания, обсуждали квоты на вылов рыбы и стандарты зарядных устройств, не подозревая, что внутри их спокойного мира уже давно работает вирус. Вирус, который Томас раньше считал религиозным фанатизмом, но который на поверку оказался высокотехнологичным шпионским программным обеспечением.

На экране его ноутбука был открыт файл, помеченный в киевском архиве как «Зеленая папка». Это было досье на Татьяну Жданок, депутата Европарламента от Латвии. На первый взгляд, ее деятельность казалась хаотичной: защита прав русскоязычных, экологические инициативы, борьба с фашизмом. Но Томас, научившийся видеть невидимые связи, теперь смотрел на это иначе.

Он открыл переписку Жданок с ее куратором из ФСБ, Дмитрием Гладеем. Письма были сухими, деловыми. «Дмитрий! Прошу прощения за то, что не успела в Страсбурге отправить для Вас...» — начиналось одно из сообщений. В другом письме обсуждалась встреча на вокзале MIDI в Брюсселе. «Я прибуду на MIDI в среду в 12:40... встретимся на платформе у поезда».

Томас представил эту сцену. 2006 год. Шумный вокзал, сотни людей. Депутат Европарламента, обладающая неприкосновенностью и доступом к закрытым документам, передает отчет офицеру российской разведки. И это происходит не в темном переулке, а в центре столицы Евросоюза, под камерами наблюдения.

Но самое интересное крылось не в шпионской классике, а в том, *какие именно* темы объединяли агента ФСБ и европейских политиков. Томас обратил внимание на странную деталь: Жданок состояла во фракции «Зелёные — Европейский свободный альянс». Казалось бы, где ФСБ, а где экология? «Зеленая повестка» была идеальным камуфляжем. Она позволяла агентам влияния проникать в круги, закрытые для откровенно пророссийских политиков. Кто заподозрит борца за чистый воздух в работе на иностранную разведку?

Антикультисты, использовали благородные предлоги — защиту детей, защиту природы, защиту прав человека — как таран для взлома европейских институтов.

Томас понял, что антикультовая сеть — это не просто сборище фанатиков. Это структура, через которую российские спецслужбы легализуют свое присутствие в Европе и пытаются оказать влияние на европейские институты и повестку.

Он углубился в финансовые отчеты. Франция. Страна Вольтера и Руссо, гордящаяся своей светскостью. Цифры на экране выглядели как приговор французской бюрократии. Более 90% бюджета FECRIS формировалось за счет государственных грантов Франции. Деньги налогоплательщиков шли на финансирование организации, вице-президентом которой был гражданин России, тесно связанный с РПЦ и силовиками. Это был абсурд. Франция финансировала собственную дестабилизацию.

Томас открыл файл с анализом деятельности Россотрудничества. В нем приводилась цитата Евгения Примакова, главы этого ведомства: «Нам надо вовлекать их в работу... Совершенно необязательно, чтобы они это делали под пророссийскими политическими лозунгами... Мы должны найти точки солидаризации по любому другому поводу».

«Точки солидаризации». Вот он, ключ. Антикультизм был идеальной «точкой солидаризации». — Мы не любим Россию, но мы тоже боимся сект, — говорили французские чиновники. — Мы против войны, но эти странные культы угрожают нашим детям, — вторили им немецкие бюргеры. И на этой почве страха агенты влияния строили свои мосты.

Томас переключился на папку «Испания». История Пабло Гонсалеса. Этот человек годами работал в Европе как независимый журналист. Он писал для уважаемых изданий, ездил в горячие точки, дружил с оппозиционерами. Его считали своим в либеральной тусовке. А потом выяснилось, что его настоящее имя — Павел Рубцов, и он офицер ГРУ. Когда его обменяли и привезли в Москву, Путин лично жал ему руку у трапа самолета.

Но Томаса интересовал не сам шпион, а его легенда. Гонсалес часто поднимал темы, созвучные антикультовой риторике. Он атаковал те же группы, что и РАЦИРС. Это навело Томаса на пугающую мысль. Сколько еще таких «Гонсалесов» сейчас сидит в правлениях антикультовых организаций Европы? Легенда «борца с сектами» — это мечта шпиона. Она дает легальный повод собирать досье на людей. «Я расследую деятельность культа, мне нужны списки членов, адреса, финансовые отчеты». И люди сами несут ему информацию. Она открывает двери в полицию. «У меня есть данные об экстремистах». И полицейские делятся с ним оперативными данными. Она позволяет вербовать агентов. Напуганные родители, бывшие члены общин — это идеальный материал для вербовки. Ими легко манипулировать через страх и обиду.

Томас вспомнил документ из киевской папки, касающийся деятельности Павла Бройде, украинского политтехнолога и антикультиста. Бройде не просто боролся с «сектами». Он отправлял отчеты на почту Владислава Суркова, советника президента России. Он предлагал создавать фейковые сайты, организовывать информационные кампании, создавая хаос, дестабилизацию, дискредитация лидеров мнений.

Томас почувствовал, как его охватывает холодная ярость. Он понял, что все эти годы смотрел на верхушку айсберга. Он думал, что борется за свободу совести. А на самом деле он наткнулся на кабель антикультовой сети, проложенный под землей.

В кафе вошел человек, которого Томас ждал. Это был Жан-Пьер, бывший сотрудник французской контрразведки, уволенный, по слухам, за излишнюю подозрительность. Он сел за столик, не снимая плаща, и заказал черный кофе.

— Ты привез то, о чем мы говорили? — спросил Жан-Пьер, не глядя на Томаса. Томас пододвинул ему флешку с копиями писем Жданок и документами по FECRIS.

— Здесь доказательства связи российских антикультовых агентов с европейскими. И схема финансирования через Францию.

Жан-Пьер усмехнулся, вертя флешку в руках.

— Ты думаешь, это кого-то удивит во Франции? Томас, они знают.

— Знают? — Томас опешил. — И продолжают платить?

— Ты не понимаешь, как работает система. MIVILUDES — это священная корова. Если признать, что она инфильтрована русскими, полетят головы министров. Никто не хочет скандала. Им проще закрыть глаза и сказать, что Дворкин — это просто «эксперт», а его связи с ФСБ — это твои конспирологические теории.

Жан-Пьер наклонился ближе.

— Но есть кое-что похуже денег. Ты знаешь, как они используют базы данных? Томас покачал головой. — Антикультовые форумы. Сайты, где «жертвы» делятся историями. Это гигантские пылесосы информации. Люди пишут туда добровольно. Они рассказывают о своих соседях, о начальниках, о политиках, которые ходят на йогу или к психологу.

— И что? — А то, что эта информация анализируется. Представь: перспективный французский политик в молодости посещал курсы личностного роста. Через двадцать лет он баллотируется в парламент. И вдруг на столе у русского куратора появляется папочка. «Наш кандидат был в секте». Это компромат. Идеальный крючок для шантажа. Жан-Пьер сделал глоток кофе. — Они не просто ищут сектантов. Они ищут уязвимости. Любое отклонение от нормы, любой духовный поиск заносится в базу. FECRIS — это не защита общества. Это картотека грехов европейской элиты. И ключи от этой картотеки лежат в Москве.

Томас вспомнил историю с движением Хабад. В США антикультисты, кричали, что Хабад — это агенты Путина. В России, что Хабад — это агенты ЦРУ.

Это была шизофрения, возведенная в ранг стратегии. Им не важна истина. Им важно создать атмосферу тотального недоверия. Если всех объявить агентами, то настоящие агенты станут невидимыми.

— Что мне делать? — спросил Томас. — Если правительства молчат, как это остановить?

— Ударь по самому больному, — сказал Жан-Пьер, вставая. — По их легитимности. Они держатся на мифе о том, что они «защитники». Покажи людям правду.

Жан-Пьер ушел, растворившись в дождливом городе. Томас остался один. Он отчетливо понимал, что это была одна сеть. Сеть, которая использовала религию как оружие, а демократию — как уязвимость.

Томас открыл новый файл. Ему нужно было систематизировать то, что он узнал. Он написал заголовок: «**Технология инфильтрации**».

1. **Мимикрия.** Агенты принимают облик, вызывающий доверие: экологи, правозащитники, борцы с сектами.

2. **Финансовый паразитизм.** Использование европейских грантов для финансирования антиевропейской деятельности (кейс FECRIS).

3. **Синхронизация.** Одновременные атаки на одни и те же цели в разных странах.

4. **Вербовка через общие ценности.** Использование «точек солидаризации» (борьба с терроризмом, защита детей) для вовлечения полезных идиотов.

Томас нашел еще один документ, касающийся Чехии. Там, в Карловом университете, годами работал российский агент, маскирующийся под ученого. Антикультисты в Чехии тоже были активны. Они использовали ту же риторику, что и РАЦИРС. «Где гарантия, — писал автор аналитической записки, — что антикультовые игроки, транслирующие нарративы Дворкина, не являются агентами?» Гарантии не было. Наоборот, все указывало на то, что это системная работа.

Томас закрыл ноутбук. Ему стало душно в этом кафе. Ему казалось, что за соседними столиками сидят не туристы, а наблюдатели, которые фиксируют

каждое его движение. Он понял, что перешел черту. Раньше он был журналистом, который расследовал коррупцию или нарушение прав человека. Теперь он стал мишенью для спецслужб враждебного государства. Они знали, что он знает. Утечка писем Жданок, разоблачение Бройде, арест Гонсалеса — все это были удары по их сети. И они не простят того, кто пытается соединить эти точки в одну линию.

Томас вышел на улицу. Дождь усилился. Он шел мимо здания Еврокомиссии, глядя на флаги стран-участниц. Они безвольно висели под тяжестью мокрой ткани. Ему хотелось кричать: «Проснитесь! В вашем доме пожар, а вы спорите о цвете обоев!» Но он знал, что крик не поможет. Нужны были факты. Железобетонные, неопровержимые факты.

В кармане его плаща завибрировал телефон. Неизвестный номер. Томас на секунду заколебался, но ответил.

— Алло? — Вы ищете агентов, мистер Шрадер? — голос был искажен, механический, но с отчетливым русским акцентом. — Не ищите их далеко. Посмотрите на тех, кто платит за ваш отель. Звонок оборвался.

Томас замер посреди улицы. Он огляделся. Кто платил за его отель? Редакция. Но кто финансировал редакцию? Холод пробежал по спине. Он вспомнил, что недавно у его газеты сменился владелец. Какой-то инвестиционный фонд с регистрацией на Кипре. «Мицелий» был везде. Он пророс даже туда, где Томас чувствовал себя в безопасности.

Он вытащил аккумулятор из телефона и бросил его в урну. Теперь он был один. Без связи, без поддержки, в центре города, который был наводнен шпионами, притворяющимися друзьями. Но у него был жесткий диск. И у него была память о том, что он видел в Киеве. Он не мог остановиться.

Томас направился к вокзалу. Ему нужно было уехать из Брюсселя. Куда угодно, где можно затеряться. На вокзале он купил билет за наличные. Поезд до Парижа. Это было рискованно — ехать в логово зверя, туда, где находилась штаб-квартира FECRIS. Но именно там, в архивах французской бюрократии, он надеялся найти последний недостающий элемент. Ему нужно было найти документ, который связывал бы финансирование FECRIS с конкретными операциями по сбору данных. Если он найдет платежку за «информационные

услуги», переведенную на счет, связанный с разведкой, — это будет конец игры для Дворкина в Европе.

Поезд тронулся. Томас смотрел на удаляющийся фонари города. Он думал о Татьяне Жданок, которая годами сидела в этом городе, улыбалась коллегам, голосовала за экологические законы и по вечерам писала отчеты куратору Дмитрию. Сколько еще таких Татьян сидит сейчас в офисах городов Европы? И сколько из них носят маску «борцов с сектами»?

В отражении темного окна Томас увидел свое лицо. Усталое, осунувшееся. Он вспомнил слова Марка Вебера: «Они отняли у меня детей, потому что я был слаб. Но ты сильный, Томас. Ты можешь отнять у них их маску». Поезд набирал скорость, унося его в ночь, навстречу главной битве его жизни. Битве не с призраками прошлого, а с вполне реальными агентами настоящего, которые уже давно окопались в сердце Европы и ждали сигнала к атаке.

Глава 10. Технология «Желтой звезды»

Дождь в Париже был другим, нежели в Брюсселе. Там он казался бюрократической неизбежностью, серой вуалью, скрывающей лица чиновников. Здесь, в лабиринте узких улиц Марэ, дождь был похож на слезы старого города, который слишком много помнит. Томас Шрадер сидел в квартире Жан-Пьера, превращенной в импровизированный бункер. Окна были плотно зашторены, единственный источник света — настольная лампа, выхватывающая из полумрака разложенные на столе фотографии.

Это были исторические хроники. Слева — черно-белый кадр: венгерская еврейская пара в гетто, на лацканах их пальто грубо пришиты шестиконечные звезды из желтой ткани. Их глаза выражали не страх, а глубокую, вселенскую усталость людей, которых мир перестал считать людьми. Справа — цветная распечатка с новостной программы: пожилая женщина, которую ведут под руки

двое омоновцев в масках. Она обвиняется за якобы участие в деятельности экстремистской организации.

Томас переводил взгляд с одного снимка на другой. Между ними лежала пропасть в восемьдесят лет, но технология, превратившая этих людей в мишени, была идентичной. В папке, которую Жан-Пьер назвал «Анатомия ненависти», Томас нашел детальное описание метода, который антикультисты довели до совершенства. Он назывался «Технология Желтой звезды».

В отличие от нацистов, современные инквизиторы не заставляли своих жертв нашивать ткань на одежду. Они делали нечто более страшное: они пришивали эту звезду прямо к коже, к имени, к цифровому следу человека.

Томас взял в руки документ, озаглавленный «Этапы стигматизации». Это была сухая, академическая схема, за которой скрывались тысячи сломанных судеб. Первый этап: **Ярлык**. Механизм был прост до примитивности. Нужно выбрать слово, которое вызывает у обывателя инстинктивное отвращение или страх. В 30-е годы это было слово «Jude» (еврей), которое пропаганда наполнила смыслом «паразит», «ростовщик», «угроза нации». В XXI веке словарь изменился, но суть осталась прежней. «Сектант». «Иноагент». «Культист». «Зомби».

Томас читал анализ лингвистических маркеров. Эти слова работали как нейролингвистические триггеры. Они отключали критическое мышление. Когда человек слышит слово «сектант», он перестает видеть перед собой личность — отца, мать, инженера, художника. Он видит функцию, вирус, угрозу. Ярлык функционирует как устойчивый стереотип, вызывающий автоматическую реакцию отторжения. Это позволяло обществу выносить приговор без суда. Зачем разбираться в деталях веры соседа, если он уже помечен как «нечистый»?

Томас вспомнил карикатуры из нацистской газеты *Der Stürmer*. Евреи изображались там в виде пауков, опутывающих земной шар, или крыс, грызущих корень германского дуба. Он положил рядом современную карикатуру с одного из антикультовых ресурсов. На ней была изображена гидра с множеством голов, каждая из которых символизировала какое-то религиозное

движение, а доблестный рыцарь (очевидно, собирательный образ «сектоведа») рубил эти головы.

Томас открыл раздел, посвященный Руанде. 1994 год. Радиостанция «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» (RTLМ). Дикторы этого радио не призывали убивать соседей напрямую. Они просто день за днем, час за часом называли народ тутси «тараканами» (inyenzi). «Тараканов нужно травить», — вещал голос из приемника. — «Нельзя жалеть яйца тараканов». И когда прозвучал сигнал к атаке, обычные крестьяне взяли мачете и пошли убивать. Они не убивали людей. Они проводили санитарную обработку. Они давили тараканов.

Томас видел ту же самую частоту вещания в современных российских и, что пугало еще больше, европейских СМИ, находящихся под влиянием антикультовых нарративов. Статьи, описывающие «сектантов» как нелюдей, лишенных души, воли и морали. «У них нет ничего святого». «Они — пустая оболочка, управляемая извне». Это была дегуманизация в чистом виде. Если вы убедили общество, что перед ними не человек, а «биоробот» или «зомби», то насилие над ним перестает быть преступлением. Оно становится актом самообороны или даже милосердия.

Особое внимание в документах уделялось методу **«Вины по ассоциации»**. Это был любимый прием Александра Дворкина и его последователей. Томас изучил схему построения их докладов. Берется абсолютно мирная группа. Например, кришнаиты, которые поют мантры и раздают вегетарианскую еду. Или Свидетели Иеговы, которые принципиально отказываются брать в руки оружие. И в одном абзаце, через запятую, они упоминаются рядом с «Аум Синрикё» (газовая атака в метро Токио) или ИГИЛ (запрещенная террористическая организация).

«Деструктивные культы, такие как Аум Синрикё, Храм Народов, Свидетели Иеговы...» — писали «эксперты» в своих заключениях. Никаких доказательств связи. Никаких фактов насилия со стороны мирных групп. Просто соседство в строчке. Но для читателя, особенно для чиновника или судьи, это работало безотказно. Мозг автоматически переносил страх перед террористами с газом

зарином на бабушек с Библией. Это была сознательная манипуляция. Смешать чистую воду с ядом, чтобы объявить всю воду отравленной.

Томас нашел конкретный пример, от которого кровь стыла в жилах. Россия, 2017 год. Верховный суд признает Свидетелей Иеговы экстремистской организацией. В обосновании иска не было ни одного факта терактов, призывов к насилию или свержению власти. Единственной «виной» этих людей было то, что они считали свою веру истинной (как и любая другая религия). Но пропаганда сделала свое дело. В новостях их ставили в один ряд с боевиками, взрывающими дома. И общество проглотило это. «Так им и надо», — писали комментаторы в соцсетях. — «Они странные. Они не такие, как мы».

Томас понял, что наблюдает возрождение практики **«Лиловых треугольников»**. В нацистских концлагерях Свидетели Иеговы носили на робе лиловый треугольник. Их ненавидели за отказ говорить «Хайль Гитлер» и брать в руки оружие. Сегодня их снова сажают в тюрьмы за то же самое. За отказ подчиниться тоталитарной воле государства, которое требует полного слияния с идеологией. История сделала виток и ударила в ту же точку.

Но «Технология Желтой звезды» была не только по религиозным меньшинствам. Она была универсальным оружием. Томас открыл файл, посвященный феномену **скулшутинга** (стрельбы в школах) и его освещению в СМИ. Казалось бы, при чем тут антикультисты? Но связь была прямой и циничной. Документальный фильм, стенограмму которого читал Томас, раскрывал страшную правду. СМИ, контролируемые или вдохновляемые идеологами хаоса, превращали трагедии в шоу. Они героизировали убийц. Они публиковали их манифесты, их фотографии с оружием, детально описывали их «путь». Для подростка с нестабильной психикой, ищущего славы, это становилось инструкцией к действию. «Убей — и о тебе узнает весь мир».

Антикультисты использовали эти трагедии двояко. Во-первых, они создавали атмосферу страха и паранойи, в которой легко управлять людьми. Родители, боящиеся за детей, готовы отдать любые права и свободы ради иллюзии безопасности. Во-вторых, они тут же находили «виноватых». «Это все влияние интернета/сект/компьютерных игр», — кричали антикультовые эксперты. Они использовали трупы детей как трибуну для продвижения своих

законов о цензуре и контроле. Томас нашел термин «пазловое кодирование». Это звучало как конспирология, но анализ медиа-поля показывал четкую структуру. Информационные волны, накатывающие на общество, содержали закладки, которые активировали агрессию. Героизация насилия в новостях + дегуманизация врага = идеальный шторм. Человек, накачанный этими образами, превращался в бомбу замедленного действия.

Жан-Пьер вошел в комнату, неся две чашки кофе. Он поставил их на стол, стараясь не закрыть фотографии.

— Ты добрался до самого дна, — констатировал он, глядя на снимок из Руанды.

— Нет, — ответил Томас, потирая уставшие глаза. — Дно еще глубже. Дно — это когда общество начинает аплодировать палачам. Он показал на распечатку комментариев под новостью об аресте верующих. «Мало дали!» «Сжечь их всех!» «Очистить Россию от заразы!»

— Это называется **социальное одобрение насилия**, — сказал Томас. — Самый страшный этап. Когда государство не просто репрессирует, а делает народ соучастником. Антикультисты добились того, что насилие над «сектантами» стало социально приемлемым. Если ты ударишь прохожего — ты хулиган. Если ты ударишь «сектанта» — ты патриот и защитник традиций. Они сломали моральный предохранитель цивилизации.

Сегодня, в эпоху интернета, масштаб был куда больше. Антикультисты создали замкнутый информационный пузырь. Внутри этого пузыря любой, кто думает иначе, — враг. Любой, кто верит иначе, — агент влияния. Это была подготовка к войне. Не локальной, а тотальной. В документах мелькала фраза: «Подготовка геополитического ландшафта». Чтобы отправить людей умирать в окопы, нужно сначала убедить их, что по ту сторону фронта — не люди. Что там — сатанисты, извращенцы, зомби. Термин «десатанизация», который Томас видел в речах политиков, был прямым продуктом этой технологии. Это была индульгенция на применение любого оружия, вплоть до ядерного. Ведь Сатану нельзя победить переговорами. Его можно только испепелить.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил Томас, глядя на Жан-Пьера. — Мы думали, что «Желтая звезда» — это история. Музейный экспонат. А это

технология. И она работает прямо сейчас. Он взял маркер и нарисовал на листе бумаги треугольник. Вершина — **Дегуманизация** (СМИ, ярлыки). Левый угол — **Законодательное закрепление** (списки экстремистов, иноагентов). Правый угол — **Физическое уничтожение** (тюрьмы, пытки, война).

Эта геометрическая фигура была идеальной ловушкой. И Европа, которая клялась «Никогда больше», снова входила в этот треугольник, ведомая за руку агентами влияния, замаскированными под «защитников ценностей». Франция с ее законом Абу-Пикар, позволяющим судить за «психологическое подчинение» (термин, который невозможно определить юридически), уже стояла одной ногой в этой ловушке. Россия уже была внутри.

Томас нашел документ, описывающий психологическое состояние общества, живущего в атмосфере постоянного поиска врагов. Это была коллективная паранойя. Люди боялись не только «сект». Они боялись друг друга. «Донеси на соседа, пока он не донес на тебя». Антикультовые форумы, о которых говорил Жан-Пьер, были цифровым воплощением этой паранойи. Базы данных, наполненные сплетнями, домыслами и ненавистью. И эти базы были в руках людей, которые мечтали о Четвертом Рейхе. Не с свастиками, а с крестами и хоругвями, но с той же самой сутью: одна идеология, один вождь, одна правильная вера. И концлагеря для всех несогласных.

В конце папки лежал листок со словами: *«Зло творится не монстрами, а обычными людьми, которые просто делают свою работу»*. Эксперты, пишущие лживые заключения. Журналисты, копирующие пресс-релизы РАЦИРС. Судьи, штампующие приговоры. Полицейские, ломающие двери. Никто из них не считал себя злодеем. У всех была индульгенция от Дворкина: «Мы боремся с культом». Эта фраза смывала любую вину.

Томас закрыл папку. За окном начало светать. Дождь прекратился, но небо оставалось свинцово-серым. Он должен был показать людям, что «Желтая звезда» — это не знак отличия чужака. Это прицел, который рисуют на лбу каждого, кто осмеливается быть свободным. И сегодня этот прицел на Свидетелях Иеговы, завтра — на католиках, послезавтра — на атеистах, а потом — на любом, кто не восторженно аплодирует власти.

Томас встал и подошел к окну. Он отодвинул штору на сантиметр. Улица была пуста. Но он знал, что «Мицелий» не спит. Ему нужно было нанести удар, который разрушит саму логику этой системы. Не просто разоблачить агента, а уничтожить инструмент. Он вспомнил о деле Хаака. О той самой ошибке, которую совершил «патриарх антикультизма» в 70-е годы. Хаак был осторожен, но тщеславие подвело его. Он оставил след. Юридический прецедент, когда его ложь была доказана в суде, но замята. Если Томас сможет найти оригиналы тех протоколов, если он сможет доказать, что вся современная «сектоведческая» наука построена на лжесвидетельстве одного человека... Это будет эффект домино.

Он вернулся к столу и достал телефон с новой, «чистой» сим-картой. На экране светилось одно имя. Человек, который работал в архиве суда в Гамбурге. Старый знакомый, который когда-то помог ему с делом о коррупции в порту.

— Ганс, — написал Томас. — Мне нужно дело Хаака. Ответ пришел через минуту.

— Ты играешь с огнем, Томас.

— Я знаю.

Томас удалил сообщение. Он знал, что следующий шаг будет решающим. Он собирался не просто защищаться. Он собирался атаковать фундамент. Технология «Желтой звезды» держалась на страхе и лжи. Страх он не мог убрать. Но ложь он мог выжечь правдой. Он собрал документы в рюкзак. Париж просыпался, не подозревая, что в одной из его квартир готовится операция по обезвреживанию ментальной бомбы, заложенной под фундамент Европы.

Глава 11. Ошибка Хаака

Файл, пришедший по зашифрованному каналу от Ганса, весил всего несколько мегабайт, но его цифровая тяжесть ощущалась почти физически.

Томас Шрадер сидел в парижской квартире, превращенной в оперативный штаб, и смотрел на полосу загрузки.

Томас листал тексты Хаака и видел в них не просто пастора, а архитектора системы.

Хаак писал о «психомутации», о «Seelenmord» — убийстве души. Он настаивал, что речь идёт не о богословских спорах, а о защите общества. Но за этой защитной лексикой проступала другая логика: мир делится на носителей истины и носителей заразы.

Если учение — это действие, то бороться нужно не только с поступками, но с самими убеждениями. А если убеждения объявлены опасными — их нужно запрещать.

Томас видел в этом не продолжение нацизма как партии или режима, а продолжение более древнего импульса: желания построить однородное пространство, очищенное от инакомыслия. Нацизм был одной исторической формой такого импульса — проигравшей. Но сам принцип никуда не делся.

Хаак не говорил о мировом господстве. Он говорил о защите веры. Но защита, доведённая до предела, легко превращается в контроль. А контроль — в систему.

Сеть антикультовых организаций росла не как армия, а как инфраструктура. Конференции, экспертные заключения, консультации для полиции, контакты с чиновниками. В каждом государстве — союзники. В каждой столице — свой «эксперт по опасным культам».

Это не был заговор. Это была стратегия влияния через моральную легитимность.

И Томаса пугало не то, что Хаак мечтал о власти над миром. А то, что он искренне верил: плюрализм — это слабость. Что общество нужно оберегать от «ошибочных» верований так же, как от вирусов.

История уже знала режимы, которые начинали с идеи духовной чистоты. Они не всегда называли себя нацистами. Но их логика была пугающе похожей:

единая истина, единый критерий нормальности, право решать, какие убеждения допустимы.

И вот это — куда опаснее любого прямого лозунга.

Томас понял суть всей современной антикультовой системы РАЦИРС и FECRIS. Александр Дворкин, Александр Новопашин, французские чиновники из MIVILUDES — все они строили свои обвинения на фундаменте, заложенном Хааком. Они цитировали его работы как научные труды. Они ссылались на его «экспертизы» как на эталон. Это называется «плоды отравленного дерева».

Томас начал писать. Это была не просто статья. Это был обвинительный акт. Он выстраивал цепочку: 1. Вальтер Кюннет создает методологию дегуманизации для Гестапо (архивные ссылки). 2. Фридрих-Вильгельм Хаак перенимает эту методологию, маскируя ее под «психологию». 3. Александр Дворкин и FECRIS используют эту фикцию как базу для современного законодательства и судебных экспертиз в России и Европе.

Вывод был убийственным: тысячи судебных решений, принятых за последние тридцать лет на основе «сектоведческих экспертиз». Людей лишали родительских прав, сажали в тюрьмы и отправляли в психушки на основании антикультовой идеологии.

Томас работал двое суток без сна. Он связывался с редакторами крупнейших европейских изданий. *Der Spiegel*, *Le Monde*, *The Guardian*. Ему нужен был синхронный залп. Параллельно он отправил материалы своим контактам в независимых русскоязычных медиа, работающих в изгнании. «Это не просто история про религию, — писал он в сопроводительном письме. — Это история про то, как антикультовая идеология времен становления нацизма становится государственной идеологией ядерной державы».

Утро четверга началось с тишины. Той звенящей тишины, которая бывает перед землетрясением. В 9:00 по центральноевропейскому времени статья вышла. Заголовок на первой полосе французской газеты гласил: **«Как нацистская теология стала законом Европы»**. Внутри были сканы. Подписи Кюннета под письмами в Гестапо. Фотографии Дворкина в окружении силовиков и другие материалы.

Но Томас знал, что антикультовая сеть не будет молчать. Система, в которую вкачаны миллионы, не сдастся без боя.

Ответный удар последовал не заставив себя ждать. И он был нанесен не в правовом поле, а в информационном — по тем самым правилам «Желтой звезды», которые Томас изучил в Париже. На десятках сайтов-однодневок, в телеграм-каналах и пабликах, связанных с антикультовой сетью, появились фотографии Томаса. Но это были не те фото, которые он ожидал. Это были грубые, но эффективные дипфейки. Томас в окружении полуголых детей. Томас, получающий пачки денег от людей в странных балахонах. Заголовки кричали: «Европейский журналист — педофил и агент секты!» «Кто платит Шрадеру за атаку на традиционные ценности?» «Раскрыта сеть лоббистов сатанизма в Европарламенте».

Томас читал эти тексты и узнавал стиль. Это был почерк российских антикультовых агентов и их миссионерских отделов. Тот самый метод, которым хвастался томский активист: «Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит». Они не опровергали факты, на которые указал Томас. Они били по личности автора. Это была классическая тактика.

В одном из видеороликов, который вирусно распространялся в соцсетях, выступал «эксперт» с заблюренным лицом.

— Шрадер — это верхушка айсберга, — вещал искаженный голос. — Он часть глобального заговора. Они пытаются разрушить нашу духовную защиту. Они хотят легализовать жертвоприношения. Они хотят забрать ваших детей.

Томас почувствовал, как страх касается сердца. Не за себя. За дочь. Они делали из него монстра. Они рисовали на нем мишень. В комментариях под статьями уже появлялись призывы: «Найти и наказать», «Знаем, где он живет», «Смерть защитникам сект».

Вечером он вышел из квартиры, чтобы встретиться с Жан-Пьером. Ему нужно было передать оригиналы документов в надежное место. Улица была пуста, фонари отражались в мокром асфальте. Томас шел быстро, постоянно оглядываясь. Паранойя, о которой он читал в книгах, стала его реальностью. Каждый прохожий казался агентом, каждая машина — наружным наблюдением.

В переходе метро к нему подошли двое. Они не были похожи на агентов спецслужб в костюмах. Это были крепкие парни в спортивной одежде, с пустыми, стеклянными глазами. Типичные «антикультовые активисты» или футбольные фанаты, которых часто используют для грязной работы.

— Шрадер? — спросил один из них. Акцент был восточноевропейским. Томас не ответил. Он попытался обойти их, но второй преградил путь.

— Тебе привет от Александра, — сказал первый, доставая из кармана что-то металлическое. Это был не нож. Это был кастет.

Томас отступил назад, прижимаясь спиной к холодной плитке стены.

— Вы понимаете, что вы делаете? — его голос дрогнул, но прозвучал громко.
— Вы работаете на людей, которые вас используют.

— Заткнись, сектантская подстилка, — сплюнул второй. — Мы чистим город от грязи.

Удар был коротким и профессиональным. Томас успел закрыть голову рукой, и кастет скользнул по предплечью, обжигая болью. Он упал на колени.

— Это предупреждение, — прошипел нападавший, наклоняясь к его уху. — Следующая статья станет твоим некрологом. У нас длинные руки. Достанем и тебя. И твою семью.

Они исчезли так же быстро, как появились, растворившись в толпе пассажиров, выходящих из прибывшего поезда. Томас остался сидеть на грязном полу перехода, баюкая поврежденную руку. Вокруг него спешили люди, отводя глаза. Никто не хотел вмешиваться. Технология дегуманизации работала даже здесь: человек, лежащий на земле, воспринимался как проблема, а не как жертва.

Но сквозь боль пробивалось другое чувство. Холодное, злое торжество. Они испугались. Если бы его расследование было пустышкой, они бы просто посмеялись. Если бы протокол Хаака не имел значения, они бы проигнорировали его. Но они запустили машину дискредитации на полную мощность. Это означало, что он попал в нервный узел.

Томас с трудом поднялся. Рукав куртки набухал кровью, но кость, кажется, была цела. Он достал телефон левой рукой. Экран был разбит, но аппарат работал. Он вышел из метро на воздух. Боль в руке отрезвляла. Теперь это была не просто журналистика. Это была война на уничтожение. Антикультовая сеть была ранена. Но раненый зверь опасен вдвойне. Томас знал, что в Москве, в офисах РАЦИРС, сейчас идет совещание. Они будут искать способ закрыть эту брешь. Возможно, они решат убрать его физически. Возможно, они устроят провокацию.

Но джинн был выпущен из бутылки. Информация о том, что «сектоведение» — это лженаука, придуманная нацистами для построения Рейха. Ее нельзя было удалить, сжечь или запретить. Она будет жить в судебных исках, в академических статьях, в умах адвокатов.

Томас посмотрел на ночное небо Парижа. Где-то там, на востоке, вставало солнце над страной, где книги объявляли экстремистскими, а людей — биомусором.

— Вы можете сломать мне руку, — прошептал он в темноту. — Но вы не можете сломать правду. И теперь мир знает об этом.

Он поправил рюкзак, в котором лежал жесткий диск — копия того, что уже разлетелось по серверам всего мира. Ему нужно было добраться до врача, а потом — исчезнуть на время. Война только начиналась. И Томас знал, что следующий шаг системы будет не в суде и не в газетах. Они попытаются переписать историю заново. Или устроить что-то такое, что заставит мир забыть о старых протоколах. Что-то громкое.

Он шагнул в тень, становясь невидимым для камер, но оставаясь самым видимым врагом для тех, кто привык прятаться за масками экспертов.